

Я тебя
ЗАБУДУ

МАРЬЯ КОВАЛЕНКО

Марья Коваленко

Я тебя забуду

Серия «Оголенные чувства», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70225366*

Аннотация

Наша история началась как в фильме «Девять с половиной недель». У скромной заучки из мединститута не было ни одного шанса устоять против взрослого мужчины с необычными пристрастиями и горячим темпераментом. А закончилось все суровой прозой.

Каждый зажил своей жизнью. Он – где-то далеко, без меня. Я – без иллюзий и с малышом под сердцем.

И мы бы не встретились. Но однажды его красавице-жене понадобилась моя медицинская помощь – зачать ребенка... от донора, потому что муж бесплоден.

Содержание

Глава 1. Бумеранг	5
Глава 2. Кольца на воде	11
Глава 3. У него твои глаза	22
Глава 4. Любовь не с первого взгляда	27
Глава 5. В клетке с монстром	36
Глава 6. Лопухая принцесса	43
Глава 7. Под одной крышей	53
Глава 8. Опасный мужчина	64
Глава 9. На ощупь	70
Глава 10. На грани	78
Глава 11. Точка кипения	84
Глава 12. Оголенные нервы	89
Глава 13. Проверка на прочность	94
Глава 14. Вдребезги	100
Глава 15. Присвоенный	104
Глава 16. А поутру они...	110
Глава 17. Тест на доверие	116
Глава 18. Кое-что о нем	122
Глава 19. Близко и врозь	127
Глава 20. Взрослые игры	133
Глава 21. Мужчина с запросами	139
Глава 22. Откровение о...	144
Глава 23. Одно целое	150

Глава 24. Счастливая	157
Глава 25. Один день	163
Глава 26. Развилка	168
Глава 27. Замки и запоры	175

Марья Коваленко

Я тебя забуду

Глава 1. Бумеранг

Иногда они возвращаются.

– Елизавета Ивановна! Подождите, пожалуйста! – слышится за спиной гнусавый голос Савойского, заведующего отделением репродуктивной медицины и моего непосредственного начальника.

Останавливаться нет желания. Никогда в жизни не верила в предчувствия, но сейчас что-то будто само толкает вперед. К двери! За которой парковка, машина и конец рабочего дня. Заслуженный, между прочим!

– Милочка, да что ж... ты... такая... быстрая?! – Судя по паузам, у нашего драгоценного босса начинается одышка. – Летишь, словно муж... дома... ждет!

Умом понимаю, что не обязана волноваться об этом человеке. За три года совместной работы и два – ординатуры Савойский палец о палец не ударил ради меня. Постоянные переработки, мизерные премии вместо тех, что я действительно заработала, и присваивание результатов моих трудов стали для заведующего нормой. А теперь еще и намеки на му-

жа, которого у меня нет и никогда не было.

У самой двери все же притормаживаю. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и выставляю перед собой руки. Как раз вовремя! Еще чуть-чуть, и огромный живот Савойского припечатал бы меня к стене.

– Давайте заранее договоримся, никаких «особых поручений»!

– У меня нет для тебя поручений! – Свиные глазки стреляют по моему скромному декольте. И влажный язык облизывает пухлые губы. – Но Николай Степанович просил принять одну его знакомую.

При упоминании Кравцова, владельца клиники, на одутловатом лице Савойского возникает кислая гримаса.

– Пациентку? Кравцов? – Я нервно стучу каблуком по кафельному полу. – Это какая-то ошибка. У меня отпуск через неделю. Я не могу брать никаких пациентов. Максимум, что успею – осмотреть и назначить анализы. И то не представляю когда. Все давно расписано.

– Я предлагал шефу свою помощь. – Савойский кривится еще сильнее. – Но он хочет, чтобы пациенткой занялась именно ты.

– После отпуска. Обязательно приму!

Стараясь не цокать, я осторожно пячусь в сторону двери. Однако сбежать так и не получается. Плата за доверие Кравцова настигает тут же.

– Дорогая, не хочу тебя расстраивать, но принять паци-

ентку нужно прямо сейчас. – Савойский даже не пытается скрыть победную улыбку. – Она вместе с мужем уже ждет. Под дверью твоего кабинета. А здесь вся информация.

Заведующий передает папку, красивую, с логотипом конкурентов. И пока я мысленно считаю до десяти, пытаюсь успокоиться, стягивает со своего необъятного тела белый халат и направляется к выходу. К парковке. К своей машине. К свободе, на которую мне теперь не стоит и рассчитывать.

Можно ли было привыкнуть к подобному за пять лет в клинике? Наверное, да. Другие как-то смирились. Формула «Ты начальник – я дурак» работала без сбоев.

Но не привыкалось. Возможно, потому что именно я тянула львиную долю тяжелых случаев. Возможно, потому что устала доказывать всем и каждому, что уже не девочка и, несмотря на свои двадцать восемь, имею за плечами и опыт, и диссертацию.

* * *

Против воли возвращаюсь в кабинет. Неспешно иду по длинным белым коридорам, которые сразу после окончания вуза стали для меня родными. На ходу листаю папку с историей болезни.

С виду ничего нового. Несколько лишних анализов, которые никак не могли повлиять на общую стратегию лечения, но неплохо увеличивали итоговый счет. Вполне оптимистич-

ное заключение врача. И целый ворох согласий на различные процедуры.

Пока дохожу до своего рабочего места, успеваю пробежаться глазами по всем. Но на последнем меня словно кто-то останавливает. Ничего не понимая, оглядываюсь по сторонам. Лишь после этого возвращаюсь к согласию.

В принципе, ничего особенного. Стандартная процедура. Согласие мужа на использование донорской спермы. Учитывая, как часто именно мужья оказываются источником проблем с зачатием, даже удивляться нечему.

Однако то самое предчувствие, которое гнало из клиники, сигнализирует, что все не так просто. Сердце бьется ровно, но чуть медленнее, чем обычно. Кончики пальцев легонько покалывает. Легкие старательно качают воздух, но его все равно будто бы мало.

Непривычное для меня ощущение. Не помню, когда последний раз чувствовала нечто подобное. Наверное, лет девять назад, на втором курсе института, когда от полного безденежья согласилась подработать официанткой в ресторане. На пару ночей заменила приболевшую подругу.

Тогда одна случайная встреча изменила жизнь и чуть не поставила крест на карьере. Сейчас... такое не может повториться. Я давно не студентка, а медцентр не ресторан с сомнительной репутацией.

Но, когда делаю последний поворот и останавливаюсь у двери своего кабинета, невозможное становится возмож-

НЫМ.

– Вы Елизавета Ивановна?

Навстречу поднимается красивая женщина примерно моего возраста. Но, в отличие от меня, цветущая, без синевы под глазами и с нормальным, здоровым румянцем.

– Здравствуйте. – Изо всех сил растягиваю губы в улыбке, стараясь не смотреть в сторону, на второго посетителя.

– Николай Степанович сказал, что вы его лучший специалист. У нас столько надежд на вас! – Дама всплескивает руками и оборачивается. – Правда, дорогой?

Будто рискую ослепить сетчатку яркими лучами, я зажмуриваюсь. А потом начинаю спешно искать в сумочке свои очки. Простые. В громоздкой роговой оправе, с символическими диоптриями.

В годы ординатуры только они и спасали. Мало кто хотел стать объектом исследований неопытного врача, а в очках – пациентки с легкостью усаживались на гинекологическое кресло, не обращая внимания на молодость доктора.

– Дорогой?..

Так и не услышав ответа, пациентка поворачивается боком к своему мужу, и теперь между мной и широкоплечим строгим мужчиной в дорогом костюме не остается ни одной преграды.

– Да. Мы надеемся, – произносит он спокойно, будто речь не о ребенке, а о поставке контейнеров из Китая. И хмурится, окидывая меня сканирующим взглядом.

– Владелец клиники сказал, что из всех врачей доверяет только вам. – Женщина гордо вскидывает подбородок. Рассказывает о моих заслугах, будто решила записаться в рекламные агенты.

А я резко глохну и до боли закусываю щеку изнутри.

Чтобы не рухнуть на пол, хватаюсь за дверную ручку. И жадно рассматриваю до боли знакомые красивые серые глаза мужчины, его прямой нос, высокие скулы, короткие выющиеся волосы и небольшую родинку над правой бровью. Точь-в-точь как у моего восьмилетнего сына.

Глава 2. Кольца на воде

*Мужская память как винчестер на старом компьютере.
Порой виснет. Порой хранит лишь битые файлы.*

В кабинет захожу не дыша. За спиной звонкий цокот, глухие мужские шаги. Но я не оглядываюсь.

В мыслях вращается бумеранг. Обычный, с прямыми углами. Такой, что возвращается через несколько секунд, стоит только бросить.

Никогда не любила подобные забавы. Даже когда сын упрашивал поиграть с ним. Не нравились мне все эти штуки с бросками и возвращением. Было в них что-то... горькое.

А теперь вот! В полный рост! С ранней сединой на висках. С плечами, которые за девять лет, казалось, стали лишь шире. Гладковыбритый вместо прежней модной щетины. И со взглядом... равнодушным, как в нашу первую встречу. Словно наверху кто-то решил, что пора переиграть старый сценарий.

К счастью, как только я сажусь за свой стол, профессионализм берет верх над эмоциями. Не глядя на часы, спрашиваю пациентку. Красной ручкой, чтобы не забыть, вношу пометки в ее медицинскую карту. Выписываю направления на анализы.

– В прошлой клинике я уже все это сдавала, – растерянно

жмет плечами дамочка... Анастасия Дмитриевна Шаталова.

– Прошло три месяца. Прежние результаты уже неактуальны.

В отличие от своих коллег из первой клиники, я не вру. Во-первых, не люблю этого. Во-вторых, если ее направил ко мне Кравцов, то значит, никакой особой выгоды он не ждет.

– Да... – Шаталова разочарованно поворачивается к мужу.

Во взгляде так и читается: «Скажи ей, чтобы отстала!»

– Моя жена сдаст все необходимые анализы, – безразличным тоном произносит ее «спаситель». – Что еще потребуется?

– В медицинской карте отсутствует ваша спермограмма. – Чтобы посмотреть на Шаталова, приходится собрать в кулак всю волю. – Я прямо сейчас могу назначить расширенное обследование и распечатать вам инструкцию, как готовиться к сдаче материала.

Голос звучит четко, без дрожи. Но на последней фразе внутри все начинает клокотать. Неуместные, слишком интимные воспоминания взрываются в голове яркими вспышками.

– Не нужно. Пустая трата времени, – холодно обрубает Шаталов.

– Если есть хотя бы один шанс... – Я все же срываюсь на хрип. – То не понадобится никакой донор.

На слове «донор» хочется подняться с места и рвануть за дверь. Ненадолго. Просто продышаться. Без лишних глаз и чужого, слишком пристального внимания.

– Я бесплоден. Полностью. Это установленный факт. Забудьте женой. – Шаталов словно хлещет фразами по моим щекам.

Те тут же вспыхивают. И чтобы не выдать себя или, что еще хуже, не рассмеяться, я отворачиваюсь к монитору.

– Хорошо. – Поправляю очки и волосы. Черные. В каре. – Сейчас выпишу последние направления, и через три недели сможем начать.

Непослушными пальцами вношу в свеженькую анкету оставшиеся данные. Больше не оглядываюсь и не пытаюсь что-то понять. Стараюсь выполнять свою работу, как делаю это уже пять лет. Но не успеваю нажать на кнопку печати, как Шаталов встает. И, поставив руки на столешницу, наклоняется ко мне.

– Елизавета Ивановна... – произносит медленно, будто пытается почувствовать вкус моего имени. – Мы раньше с вами не встречались? – как гром среди ясного неба раздается возле самого уха.

Паника молнией проносится по телу. От внезапной близости вспыхивают все нервные окончания. Огнем горит каждый сантиметр кожи. Я и забыла, как это бывало. Особая магия этого мужчины. Девять лет прошло, но работает! Словно прописано в коде ДНК.

– Вряд ли. – Ногти до боли впиваются в ладонь, и голос звучит спокойно.

– У меня странное ощущение, что где-то вас видел.

Шаталов вскидывает руку и без разрешения касается моего лица. Ведет кончиками пальцев вдоль левой скулы. От щеки к виску. Заправляя выбившуюся прядь, скользит по уху. Когда-то оттопыренному, как у смешного эльфа. И уже пять лет – обычному. Без осточертевшей лопухости.

Потрясенная, я не шевелюсь и не отвечаю. Жар от мужских пальцев стекает по шее, огненным шаром катится по груди и животу.

Дикая реакция. Слишком острая. Я как металлический осколок, который притягивает к магниту. Никакой воли. Чистая физика.

– Напомнили... одну девушку. – Не скрывая досады, Шаталов убирает руку и садится в кресло.

До покрасневшей жены ему будто бы нет никакого дела.

– По статистике у каждого человека на земле не меньше десяти двойников. – Внутри все в лохмотья, но я улыбаюсь. – Вы обознались.

* * *

Несмотря на то что хочется поскорее закончить, прием длится как обычно – стандартные сорок минут. Куча вре-

мени, однако вопрос с бесплодием Шаталова так и остается для меня загадкой.

Из доказательств лишь заключение врача с указанием проведенных обследований. Нет ни одного анализа.

Можно, конечно, спросить у самого пациента. Но эту мысль отсеиваю сразу. Во-первых, он не врач. Четко объяснить не сможет. Во-вторых, я заранее знаю: не станет Шаталов ничего рассказывать. Попытку узнать он обрубил сразу, и, если упорствовать/настаивать, сделает так же, только жестче.

«Связаться с клиникой», – ставлю себе пометку на полях медицинской карты и прощаюсь.

Будто тоже вымотались за этот прием, Шаталовы не задерживаются. Когда оба направляются к выходу, я наконец расслабляюсь. Позволяю себе отключить бдительность. Но у двери Шаталов пропускает жену вперед и внезапно оглядывается.

От его взгляда по телу разбегаются мурашки. Казалось бы, за встречу я должна была привыкнуть к шоу ощущений, которое устроило сегодня собственное тело. Однако этот взгляд выбивает из колеи сильнее, чем прикосновение.

Шаталов словно трепанацию мне делает. Медленно вскрывает мозг и изучает каждую извилину. Ищет. Перебирает. Без анестезии давит на живую ткань.

В ответ так и хочется сознаться. Вынуть из кошелька фотографию сына. Бросить в лицо этому «бесплодному» мер-

завцу и спросить, где он, черт бы его побрал, шлялся все эти годы.

От желания выкричатся сохнет во рту. А горло дерет, как во время ангины.

Вероятно, встретиться мы так лет шесть или семь назад, я бы сорвалась. Тогда учеба и маленький ребенок на руках забирали все силы. А сейчас тяну губы в улыбке и говорю «До свидания». Так холодно, что серые глаза заполняет чернота и уже через пару секунд я остаюсь одна.

* * *

После ухода Шаталовых чувствую себя спущенным колесом. Идти не хочется, хотя Глеб наверняка ждет, да и сама я дико соскучилась по сыну. Остаться тоже нет никакого желания.

Слушая, как где-то в коридоре орудует шваброй уборщица, плююсь в окно на собственное отражение. Какой-то неподъемный груз на плечах мешает подняться.

«Мог ли Шаталов узнать меня спустя девять лет?» – крутится в голове вопрос, требуя ответа.

Сердце твердит: «Да!» Ему до сиреновой луны все внешние изменения.

Разум отвечает: «Нет!» – и словно в подтверждение заставляет открыть верхний ящик стола и достать старую фотографию. На ней я с Глебом в его первый день рождения.

Лопухая блондинка с декретной косой до пояса. Похудевшая настолько, что не осталось ни щек, которые когда-то любил целовать один мужчина, ни попы, которая сводила его с ума, ни счастливого, глуповатого выражения лица. Призрак с молочной грудью третьего размера.

Некоторые гусеницы превращаются в бабочек. За девять лет, с помощью парикмахера, пластического хирурга, краски для волос и нескольких тысяч бессонных ночей, я тоже поменялась до неузнаваемости.

Из длинноволосой блондинки – в брюнетку с каре. Из нескладной лопухой девчонки – в женщину с уставшим лицом, обычными ушами и совсем другой фигурой. Женственной, местами округлой, а местами слишком худой, будто мой тяжелый декрет все еще не закончился.

– Красивая, – раздается в полной тишине, и я заторможенно поворачиваюсь к открытой двери.

– Коля? – Сняв очки, смотрю на владельца клиники.

Высокого блондина лет тридцати. Эффектного, как с обложки журнала.

– Прости, что заставил задержаться. – Кравцов входит в кабинет и останавливается рядом, опершись боком о край стола.

– Ты бы хоть сообщил заранее. Не через Савойского!

Мы касаемся друг друга ногами, но я не отодвигаюсь.

– Днем был занят. Аркадий Петрович должен был сказать тебе еще в обед. Не сказал?

– Я почти уехала с работы. – Закрываю глаза и позволяю себе глубокий вдох.

– Похоже, Савойский все еще злится, что не может тебя поймать. – Коля смеется. Громко, словно ему все равно. Лишь глаза серьезные.

– Обязательно было отдавать новых пациентов мне?

Тему рабоче-постельных отношений решаю не развивать. Все, что могло случиться, уже случилось и поросло быльем.

– Лиза... – Коля меняется в лице. – Шаталовы для меня особые клиенты. Ими придется заняться прямо сейчас.

– Сейчас? – Я сглатываю все слова, которые рвутся наружу.

Приличные врачи не ругаются матом. Во всяком случае, при начальстве.

– Я знаю, что у тебя отпуск. Извини. – Кравцов проводит рукой по своим отросшим светло-русые волосам. И правый уголок его тонких губ ползет вниз.

– Это не просто отпуск! Это мой первый отпуск за три года! – все же взрываюсь. – Признайся, ты так поступил, чтобы наказать меня?

Резко встаю и начинаю раздеваться. Расстегиваю халат. Быстро справляюсь с пуговицами на платье. Пока Кравцов ловит челюсть, успеваю добраться до последней – над поясом. И, распахнув ворот, обнажаю кружевной бюстгальтер.

– Лиз... Ты... – Коля кладет ладонь на свой пах и поправляет мгновенно вздыбившийся член.

– Тебе это нужно, чтобы отпустить меня в отпуск? – Развернувшись к стене, прогибаюсь в пояснице и встаю на носочки.

Идеальная поза. Знаю. С любовью не повезло, так хоть учитель был хороший. Трахал и обучал на совесть.

– Лиза, ты не так поняла...

Кравцов не прикасается, но я кожей чувствую, как его взгляд скользит по кружеву чулок.

– Давай, трахай. Только резинку не забудь, а то после твоей жены и комплекта любовниц что угодно можно подхватить.

– Черт, Градская! – хрипит Коля и силой поворачивает меня к себе лицом.

– Если хочешь минет, то забудь. В презервативе не люблю. А без него в рот брать не стану.

Наверное, уже нужно остановиться. Но слишком много мужчин сегодня сделали мне «приятно».

– Да пойми ты, не мог я отправить их к Савойскому. Он же накосячит, будем потом бегать исправлять и извиняться.

– Я сыну море обещала! Мы чемоданы купили. И все видео, какие были в интернете, пересмотрели.

– Ну хочешь, я вам экскурсию на яхте по Финскому заливу устрою? Ты, я, Глеб, и больше никого. – Коля умоляюще смотрит в глаза.

Пару лет назад, когда он только купил нашу клинику, это сработало. Сейчас я слишком хорошо знаю цену такого

взгляда.

– Хочу просто я и Глеб. Без «ты». И не по Финскому заливу, а по морю.

Кравцов тяжело вздыхает и опускается в кресло для посетителей.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты язва? – Он смотрит исподлобья. Серьезно, хмуро.

А меня смех разбирает.

При Шаталове так и не рассмеялась. А сейчас покатываюсь. До слез, до боли в щеках. Истерично и громко.

– Я сказал что-то смешное? – с обидой, как большой расстроенный мальчик, произносит Кравцов.

Сейчас он кажется моложе моего сына. Тот лет в пять перестал корчить подобные фальшивые гримасы.

– Язва... – отсмеявшись, говорю я. – Ты спросил, называли ли меня так.

– И?..

– Девять лет назад. Отец моего сына.

Пожалуй, Шаталова сегодня чересчур много. Такого количества напоминаний хватило бы еще лет на девять. Жаль, у памяти не существует стоп-слова.

– Наверное, он был очень проницательным, если в твои... – Что-то отсчитывая, Коля загибает пальцы. – В твои девятнадцать рассмотрел потенциал.

– Был. Проницательным, – произношу по словам. И усилием воли заставляю себя выключить режим истеричной ба-

бенки.

Глава 3. У него твои глаза

Мучаешься, рождаешь, не спишь по ночам, а он вылитый папа.

После ухода Кравцова я больше ничего не жду. Записная книжка летит в сумочку. Спустя минуту туда же отправляются ключи от кабинета. Пока иду по коридору, весь мой мир сжимается до прямоугольника мобильного телефона.

Считается, что самая сильная зависимость – героиновая. Наверняка исследование проводили мужчины. Как обычно на коленке, с заранее заготовленным результатом. И даже близко не представляя, что такое зависимость матери от голоса сына.

К счастью, долго ждать своей «дозы» мне не приходится. Глеб снимает трубку после второго гудка, и сердце вздрагивает, когда в динамике раздается любимый, немного расстроенный голос.

– Мам, ты опять задержалась? – произносит сын с тяжелым вздохом.

– Прости, родной. Я не планировала. Так... вышло.

– Как всегда...

Слышится еще один вздох, и я до боли закусываю губу. Мой мальчик такой серьезный, будто не мне двадцать восемь, а ему.

– Давай я поговорю с твоим начальником, чтобы он тебя больше не задерживал?

Глеб предлагает это не в первый раз, но глаза все равно становятся влажными.

До шести лет он обещал вырасти и расправиться со всеми моими начальниками. Сейчас дорос до «поговорить».

Восьмилетний защитник. Настоящий мужчина. Причем особой породы, элитной. Ничего общего со всякими Савойскими, Кравцовыми и прочими носителями первичного полового признака.

– Обязательно поговоришь. Вот уволюсь, и мы вместе выскажем моему начальству все, что о нем думаем.

– Все-то ты обещаешь! – хмыкает Глеб. – Ладно. Скажи, тебя ждать или идти на ужин к тете Лене? Когда забирала меня из школы, она сказала, что планирует готовить котлеты.

– И ты до сих пор не сбежал за своей порцией? – Я сажусь в машину и завожу двигатель.

Как ни странно, разговор о молодой соседке и ее котлетах заставляет улыбаться. Лена даже для жениха никогда не выгатавливала. А для Глеба согласна часами стоять у плиты или искать в интернете необычные рецепты.

– Я пельмени в морозилке видел. Приедешь, и вместе приготовим, – обрубает этот молодой альфа-самец. Коротко и четко.

Почти как другой альфа полчаса назад в моем кабинете.

– Если хочешь, можем заказать пиццу.

Не так часто я предлагаю сыну подобную альтернативу, но сегодня особый день. Все планы и спокойная работа уже полетели в тартарары. Здоровое питание – последнее, за что стоит держаться.

– Я хочу, чтобы ты поскорее приехала, – твердо говорит Глеб. – Пельменей хватит, – припечатывает он.

От последней фразы улыбка расплывается по лицу от уха до уха. Не возникает и мысли о том, чтобы поспорить. На душе мгновенно становится легче.

Мой собственный наркотик лечит лучше любых лекарств. Восемь лет назад и представить не могла, что маленький орущий сверток может давать столько энергии. Разрывалась между детской кроваткой и столом с конспектами.

А сейчас, не думая больше ни о какой доставке, давлю в пол педаль газа и улыбаюсь так, словно не было сегодня никаких встреч и нет проблем.

* * *

На дорогу уходит минут двадцать. Меньше, чем обычно. Час пик закончился, как раз когда ко мне в кабинет заявился Кравцов. Но записывать это в разряд смягчающих обстоятельств нет никакого желания.

С желаниями вообще туго – припарковать машину и обнять своего мальчика.

К сожалению, возле дома с первым пунктом выходит за-

тык. Мое обычное место занято незнакомым черным БМВ. Какой-то гость или залетный гастролер, не представляющий, как трудно местным жителям найти свободное местечко поздним вечером.

Приходится парковаться в дальней части двора. После сегодняшних неприятностей это капля в море. На злость не хватает сил. Однако я все же нахожу в сумочке чистый лист. Вывожу на нем: «В следующий раз пробью шины» – и выбираюсь, наконец, из салона в промозглую питерскую осень.

Дальше как в гонке с препятствиями. Сотня метров через разбитый асфальт и поребрики до БМВ, чтобы оставить под дворниками записку. Потом резкий поворот к парадной. И короткий забег по лестнице, чтобы не ждать лифт.

Останавливаюсь я лишь у двери квартиры. Сердце бухает, будто неслась не домой, а от кого-то. В мыслях бардак. А на губах все та же улыбка.

Замок открываю тихо, чтобы сделать сюрприз. Но главный мужчина моей жизни оказывается у порога быстрее, чем распаивается дверь.

– Мама! – Руки сына обвивают талию.

И ладони тут же ложатся на его плечи. Совпадаем идеально. Как две части одного целого.

– Еще раз прости, что я так поздно.

Глеб высокий. Намного выше своих сверстников. Но все равно присаживаюсь на корточки и обнимаю его

крепче.

– Ты уже извинялась.

Мой мальчик отстраняется. Задумчиво смотрит в глаза. И, протянув руку, вдруг делает то, чего раньше никогда не делал. Заправляет мне за ухо выбившуюся прядь.

Обычное движение. Только забота, никакой ласки. Но второй раз за день земля уходит из-под ног.

Все дорогу я клялась не вспоминать Шаталова. Не думать о нашей встрече и не мучиться вопросами. «Это просто случайность. Совпадение, почти как с двойниками», – сочинила для себя оправдание.

Однако сейчас... Мочка уха горит, как заклеянная. По голове гладят руки сына. А перед глазами стоит Шаталов, его отец. Не такой, как сегодня. Прежняя версия.

Пугающий до дрожи. Слишком взрослый для девятнадцатилетней девчонки. Слишком искушенный и сложный. Но любимый настолько, что я готова была ради него на все.

Глава 4. Любовь не с первого взгляда

Бывают мужчины-кобели. А бывают кобели-оборотни.

Девять лет назад

– Остальные вопросы подождут до завтра. Пора разбирать шлюх и праздновать! – Один из посетителей вип-зоны, заказчик сегодняшнего банкета, хлопает ладонью о стол.

Пошатываясь, он встает со своего места. Закрывает кейс с деньгами и взглядом указывает в сторону выхода.

Я мысленно поздравляю себя с окончанием рабочего дня. Не такого долгого, как боялась, и денежного.

Однако прикинуть точную сумму, заработанную сегодня, не успеваю. Только первый гость доходит до двери, как другой, плечистый, темноволосый, поворачивается ко мне. С виду он самый опасный из всех, хотя и молодой.

– Шлюх можешь забрать себе! – произносит с хищной ухмылкой. – Для меня здесь есть кто-то поинтереснее.

Внимательный взгляд серых глаз, от которого ноги становятся ватными, скользит из-под длинных черных ресниц по моей униформе, и все остальные мужчины начинают одобрительно хмыкать.

– Шаталов, она же официантка! К тому же совсем юная.

Небось, и не умеет ничего толком! – смеется заказчик. – На обслуживающей персонал потянуло?

– Что-то мне подсказывает, эта ягодка обслужит не хуже!

Пытаюсь отшатнуться, но жесткие пальцы хватают за руку. Тянут. И вся я, вместе с полупустым подносом, падаю на колени клиента.

Получается это очень неудачно. Юбка задирается, оголяя ягодницы. Лицо вжимается в каменную грудь, обтянутую дорогой рубашкой. Бокал с подноса ударяется о пол и бьется на тысячу осколков.

– Отпустите, пожалуйста, – пишу от страха, а тело застывает.

– Обязательно отпущу. – Мужская ладонь звонко, не щадя, шлепает по попе. – Утром! Если сможешь уползти.

После «уползти» в вип-зоне раздается смех. Кто-то тут же предлагает моему мучителю помощь. Кто-то обещает сменить его утром. А вконец разошедшийся заказчик, забыв о своем плане, рукой сбрасывает со стола приборы и салфетки.

– Так, может, прямо здесь ее? – гогочет он, расстегивая ширинку. – Научим девочку всему, что нужно! Чтобы не с пацанами какими-то опыта набиралась. А сразу по-взрослому!

– С этой я сам справлюсь! – рявкает темноволосый. – Себе шлюх зовите!

Все те же сильные руки тянут меня выше и заставляют

усесться сверху.

– А что? Хорошая идея! – кричит кто-то с дальнего края стола.

– Чего ждать?! Тащи сюда девок! – поддакивает ему организатор праздника.

От такого поворота не могу ни вздохнуть, ни пошевелиться. В ушах начинается шуметь, а по щекам течет что-то влажное и соленое.

Что это слезы, понимаю не сразу. Вначале сквозь шум в ушах я слышу женский смех, цоканье каблуков, а потом как в бреду – голос. Мужской. Бархатный. На ухо.

– Тихо, девочка. Спокойно. Ничего плохого я тебе не сделаю.

Упругие горячие губы осторожно касаются щеки, а пальцы сжимают мою несчастную пятую точку. Буквально вдавливают меня в ширинку. Промежностью в пах. Слишком рельефный и твердый для того, кто обещал не делать плохого.

«Дыши!» – командую я себе, а самой даже представить страшно, сколько там сантиметров.

Размер точно не мой. Последствие Чернобыля или генетическая мутация. Но стоит рукастому чудовищу всего один раз двинуть бедрами вверх, и дыхание перехватывает как после старого аттракциона «Лодка».

Сердце ныряет в пятки, а внизу живота начинает приятно тянуть. Глупому телу неважно, что происходит вокруг. Страх и тревога – по барабану. Толпа людей – досадная по-

меха, не более.

– Ты только не рыпайся. И не глупи, – шепчет мучитель, пока я, проклиная себя, умываюсь слезами.

Отвечать ему сложно. Атмосфера в зале все больше накаляется. Меня мутит от количества полуголых женских тел и похотливых взглядов. Внутренности сжимаются от звуков разрываемой фольги, шлепков и стонов.

Все напоминает жуткое кино для взрослых. Версию для самых извращенных. Уж точно не для одной наивной девятнадцатилетней официантки, которая сдуру согласилась подменить подругу и поработать ночью в вип-зоне.

– Отпустите, умоляю... – Не верю, что удастся выбраться, и все же пытаюсь отсрочить неизбежное.

– Пока не могу. – Мужские губы скользят по моей щеке к губам и закрывают их требовательным поцелуем.

Умом понимаю, что нужно отстраниться, что обязана бороться. Но вместе с этой мыслью тяжелой лопатой на голову опускается еще одна: «Запах алкоголя... нет. От моего насильника пахнет лишь туалетной водой, табаком и чем-то особенным, дразнящим... Им!»

– Смышленная девочка, – говорит мужчина, стоит нам на секунду прерваться, и его глаза заметно темнеют.

– Вы... – Я пытаюсь понять хоть что-то.

Как самый пьяный мог оказаться единственным трезвым? Зачем вместо красивых девушек из эскорта решил развлечься со скучной официанткой? Почему держит так осторож-

но?..

– Иногда лучше молчать. Слышала?

Красивые губы кривятся в загадочной ухмылке. Но не успеваю я что-то ответить, незнакомец снова набрасывается на мой рот. Быстро. Жадно. И в шоке я сама раздвигаю губы, выпуская язык.

Все плывет, как в тумане.

Горячие ладони на ягодицах. Влажное скольжение языка во рту. Соленые ручейки слез на щеках.

Меня колотит от страха и чего-то еще, нового, непривычного. Происходящее вокруг смазывается в одну бесформенную кляксу. Далекую! За стеной из сильных рук и каменной груди.

Но не успеваю я окончательно сдаться, в соседней комнате раздаются громкие крики. Доносится звук бьющейся посуды, какие-то удары. И дверь в вип-зал буквально слетает с петель.

Под крик «Всем оставаться на местах! Руки за голову!» мой мучитель расслабленно откидывается на спинку кресла. И, все так же прижимая меня к широкой груди, произносит:

– Ну наконец-то! Я уж думал, вы вообще никогда не явитесь!

* * *

В реальность я возвращаюсь как после контузии. Вокруг

снуют какие-то люди с оружием, надписью «СОБР» на бронежилетах и с холодными взглядами сквозь прорези в черных балаклавах.

Зареванные официантки из общего зала визжат, что ничего не знают и никого не обслуживали. Охранники лежат лицом в пол и даже не пытаются рыпаться. А владелец ресторана разбитыми в кровь губами орет что-то про адвокатов.

После того как меня чуть не изнасиловали толпой, наверное, нужно радоваться. Но голова от шока совсем не соображает. Как безвольная кукла, слушаю приказы самого громкого в зале. Он единственный без формы, в обычном костюме и немного помятой рубашке.

Я диктую ему свое имя, телефон, адрес проживания. Чтобы, не дай бог, не отчислили из мединститута, молчу про учебу. Не дышу, когда главный отходит, чтобы обсудить что-то с одним из бойцов. И вдоль стены, медленно, боком пачусь к двери.

Не представляю, был ли шанс сбежать. Однако на крыльце становится ясно, что я все же влипла.

– Оформили всех как положено. Сядут лет на пятнадцать. А сам Рогов, может, и пожизненно, – доносится из-за угла знакомый голос того самого «главного».

То ли следователя, то ли прокурора. Так и не поняла.

– Ты уж как-нибудь постарайся. Второй раз я подставляться не стану.

Этот голос я тоже узнаю. Сейчас он не такой хриплый,

как несколько минут назад, но по-прежнему пугающий.

Колени резко слабеют, и, чтобы не упасть, приходится схватиться за острый откос.

– На еще один раз у меня и компромата не хватит. Ты ж теперь чист как ангел. Хоть нимб напяливай! – смеется первый.

– Обойдусь без подсветки. Ты, главное, сам сильно нигде не свети, как все это произошло. – В голосе моего бывшего учителя слышится металл.

– Не в моих интересах... – как-то странно мнетя следователь. – У меня, правда, одна просьба есть.

– Никаких больше просьб! Мы договаривались.

– Да она маленькая!

– Глебов, иди нах!

– Слушай, Марк, она реально левая! Тебе ж самому понравится! Во всяком случае, там, в зале, нравилось.

Еще не знаю, о чем пойдет речь, но нехорошее предчувствие кольцом сжимает грудь и толкает бежать. Куда угодно! Лишь бы подальше.

– Ты из следователя решил в сутенеры податься? – понимающе хмыкает второй.

И, выглянув из-за угла, я вижу, как меняется выражение на холеном мужском лице. С сурового на хищное.

– Да блин, засада с этой девкой! – Первый плюет себе под ноги и оглядывается. – Она свидетель. Ценный! Единственная была во время переговоров. Видела передачу денег

и слышала весь треп. Ирку, нашу подсадную, хозяйин ресторана даже на порог випа не пустил. Только эту свою... Елизавету Батьковну. Мне теперь с нее пылинки сдувать нужно.

– Я при чем? Сам знаешь, я только вдуть умею.

– Вдуватель, блин... – Первый хмыкает. – Ты хоть что-нибудь слышал про нашу программу защиты свидетелей?

– Кино считается?

– Кино... Только с плохим финалом. Там, где жили они недолго и все умерли. До суда. В один день.

– Оптимистично!

– Вот и я о том. Если отдам девчонку в программу, ей можно сразу место на кладбище заказывать. Рогов из-за решетки достанет. У него пожизненное на кону.

– И какая у басни мораль?

– Марк, забери ее к себе. Если обеспечишь безопасность, вдувай сколько хочешь и как хочешь. К тебе ни роговские, ни наши не сунутся.

– Ты с дуба рухнул?

– Мне много не надо! До суда! Это месяц всего. Она тебе даже наскучить не успеет. Только во вкус войдешь.

Боясь моргнуть, я наблюдаю за этим двумя. Тело потряхивает, а в голове крутятся картинки недавней короткой близости. С каменной эрекцией, хриплым шепотом, тяжелыми руками на моей попе и жаром в развилке ног.

Для психики те несколько минут были настоящим испытанием. И чуть не закончились позорным фиаско. Месяц

под одной крышей я точно не выдержу. С такой защитой не буду знать, куда прятаться.

– Давай я буду сам решать, куда и как мне входить. Без твоих ценных указаний и протезе, – будто в ответ на мои молитвы произносит Марк.

– Да ладно! Ты ж ее прямо в зале чуть на члене не покатал. Задержись мы еще...

– Вот именно, что вы и так задержались! – Марк берет собеседника за грудки и встряхивает. – На десять долбаных минут!

– Черт. Да, согласен. Есть косяк, – тут же сдается первый и скидывает руки вверх. – Но без тебя я девку не уберегу. Ее пришьют, а дело развалится. Спасай!

Искусанными губами шепчу из своего укрытия: «Ни за что! Откажись!» И, будто чувствует чужое внимание, мой бывший мучитель оглядывается по сторонам, всматривается в темный угол двери. Каким-то звериным чутьем точно определяет, где я. А потом четко произносит:

– Нет!

Глава 5. В клетке с монстром

В лесу, где орудует банда дровосеков, лучшим союзником может оказаться серый волк.

Я решаюсь сбежать, лишь когда на заднем дворе стихают разговоры и мужчины расходятся по машинам.

Точно так же, как в ресторане, крадусь вдоль стены. На ходу вызываю себе такси. Но возле калитки чья-то рука резко дергает меня в сторону, а на губы ложится твердая ладонь.

– Команду «Тихо» мы с тобой уже разучили, – слышится мужской голос. – Сейчас поучимся команде «Место».

Как безвольный манекен, меня толкают к черной машине и распахивают дверцу. В других обстоятельствах, наверное, послушалась бы. Не дернулась от страха. Однако адреналина на сегодня оказывается чересчур много.

Улучив момент, когда похититель ослабляет хватку, я зубами вцепляюсь в его ладонь. И что есть силы бью в бок. Совсем не тот прием, которому учил сосед по общежитию. Слишком топорно. Но срабатывает.

– Твою...

Мой запас матерных слов пополняется с такой скоростью, что уши, кажется, несколько раз успевают обуглиться и пеплом осыпаться на асфальт.

– Ты бешеная, что ли?

Только делаю первый шаг к свободе – сильные руки хватают поперек тела. Железная ладонь лупит по заду, высекая слезы. И, извернувшись, в свете луны я наконец вижу лицо своего похитителя.

Высокие скулы, темные глаза с низкими надбровными дугами, прямой нос и губы... не пухлые и не тонкие. Четко очерченные, будто высеченные их камня. Идеальные для поцелуев и проклятий.

– Вы же отказались меня забирать! – рычу сквозь слезы, когда ноги возвращаются на землю.

– Значит, подслушивала?!

Пятая точка загорается от нового шлепка. Однако вместо того, чтобы убрать руку, кареглазый монстр начинает оглаживать мои ягодицы. Он словно боль снимает. Нахально, но эффективно.

– Неважно, что я делала. – Адски сложно игнорировать странные ощущения южнее талии. В голове сбоит от непривычного сочетания боли и удовольствия. А сердце... ему хоть неотложку вызывай и просись в кардиологию. – Вы сказали, что не будете меня забирать, – продолжаю на морально-волевых.

– Сказал, – кивает чудовище.

– Тогда зачем я вам?..

Мужская ладонь скользит выше и настойчиво толкает меня в салон авто.

– Отвечу один раз. Повторять и разъяснять не буду. –

Захлопнув дверь, Шаталов обходит машину и устраивается на водительском сиденье. – Все, что ты слышала от нас с Глебовым, мы говорили не для тебя. Ты мне и даром не нужна.

– За «даром не нужна», конечно, спасибо. Только я все равно ничего не понимаю.

Ума не приложу, почему становится обидно. Не до слез! Наоборот – до острого желания снова впиться зубами в ладонь одного мерзавца. В этот раз до крови. Чтобы шрам остался и зарубка в голове на память.

– Нас не ты одна слушала. – Шаталов заводит двигатель и так лихо выворачивает с крошечной парковки, будто годами тренировался это делать.

Последняя новость снежным комом обрушивается на голову. Боясь даже глянуть в сторону водителя, я пытаюсь вспомнить, видела ли еще хоть кого-то. Забыв об усталости, напрягаю свои несчастные извилины.

– Даже если это так, я не буду с вами жить, – сдаюсь, так ничего и не вспомнив.

– И не собирался держать тебя насильно. Спасение утопающих – дело рук утопающих. – Шаталов пожимает широченными плечами.

Равнодушный, словно и не целовал меня в ресторане до звезд перед глазами. Не мужчина, а оборотень... с тонной тестостерона и памятью как у рыбки гуппи.

– У меня есть где спрятаться, – уверенно сообщаю, быстро прикинув, к кому из знакомых я смогу поехать сегодня же

вечером.

– Гора с плеч. – Шаталов то ли рад, то ли шутит. По лицу не понять.

– Никакие ваши «люди Рогова» не достанут. – Возможно, слегка преувеличиваю, но перспектива остаться наедине с этим чудовищем пугает сильнее, чем неизвестные бандиты, которых я пока и в глаза не видела. – Можно высадить меня у ближайшей станции метро.

– Сама доберешься до своего метро. Приедем домой, дождемся отмашки Глебова, и свободна.

– Отмашки?.. – Спина каменеет. – Зачем?!

– Затем, что прямо сейчас он проверяет, есть ли у него в отделе крыса. Если после моего отказа тебя хватятся по месту жительства, значит, есть. Если там будет спокойно, значит, из проблем только Рогов, – как маленькой девочке, нехотя разъясняет Шаталов.

– То есть нужно подождать у вас час или два?

Новость не вселяет особого оптимизма. Попа все еще помнит, каким «ласковым» бывает мой похититель. Но с коротким общением смириться проще, чем с долгим пленом.

– Я уже сказал, держать не буду. – Всем видом показывая, что разговор закончен, Шаталов топит в пол педаль газа.

И меня размазывает на сиденье от скорости, страха и новой ударной порции адреналина.

Как оказывается уже через пару минут, передозировка становится фатальной. Машина летит по городу со скоро-

стью гоночного болида. Светофоры сливаются с огнями витрин. А все мои вопросы тают в голове, как фруктовое мороженое в знойный август.

Справиться с этим состоянием не получается, даже когда мы останавливаемся возле двухэтажного дома и Шаталов отстегивает на мне ремень безопасности.

Как заколдованная, не оглядываюсь, не пытаюсь запомнить, куда привез этот монстр. Послушно выхожу из машины и бреду за ним по узкой дорожке к крыльцу.

В просторной гостиной меня тоже не отпускает. Одна часть мозга помнит, что нужно дождаться звонка от следователя, а заодно связаться с Витей, соседом по общежитию. Другая часть... дико хочется списать все ее сигналы на стресс, только со стрессом я давно на «ты». Это не он, а что-то другое.

Что именно – боюсь и представить, слишком необычные симптомы. Подушечки пальцев покалывает от каждого прикосновения к дивану или столику. Взгляд скользит по всему, кроме хозяина дома. А отбитая попа ноющей болью так и подсказывает: «Осторожно! Не нужно оно тебе!»

Не знаю, как бы протянула два часа. К счастью, следователь звонит через пятнадцать минут после нашего приезда.

Всего разговора не слышу, но судя по вопросам Шаталова – «Значит, всё в порядке?», «Теперь один Рогов?» – с кротом мне сегодня везет. Его нет.

Встаю тут же, как по команде:

– Я могу идти?

В ответ по плану должно прозвучать что-то вроде «Свободна» или «Не попадайся больше». Прощаются же как-то люди. Даже незнакомые. Только Шаталову, кажется, совсем на меня начхать.

Ничего не говоря, никого не смущаясь, он расстегивает рубашку. Идет куда-то в сторону коридора. И лишь когда скрывается из виду, доносится ленивое: «Дверь за собой закрой. Провожать не буду».

Наверное, это тоже удача. Такая вот корявая, как моя сегодняшняя судьба. Похоже, на небесах кто-то здорово расстарался, чтобы всего за несколько часов вытянуть из меня все силы и вытрепать нервы. Но дополнительно искушать фортуна заминкой в этом доме не рискую.

Как и было приказано, выхожу на улицу. Хлопаю дверь. Погромче, от всей души. И, словно после экзамена по анатомии, который в прошлом году чуть не стоил мне здоровья, медленно бреду к дороге.

Шаг за шагом. Зевок за зевком. Волокусь как улитка в сторону чего-то, похожего на автобусную остановку.

По-хорошему, нужно взбодриться и вызвать машину. Однако даже телефон из сумочки достать лень.

Что это было ошибкой, понимаю спустя... не знаю сколько минут. На улице уже не просто темно, а хоть глаз выколи. Щека, которой я все это время опиралась на металлический каркас остановки, горит огнем. Тело колотит. Только не от

волнения – от самого настоящего холода.

Этого достаточно, чтобы разрыдаться. Но добивает меня не холод, а телефон.

Несколько минут ищу его в сумочке. В конце концов, вытряхиваю ее содержимое прямо на скамейку. Подрагивающими пальцами на ощупь складываю каждую вещь назад. И, вспомнив, где видела трубку последний раз, даю волю слезам.

Прошлогодний экзамен по анатомии стремительно падает в рейтинге неприятностей, уступая сегодняшнему дню. Следом за ним до уровня асфальта падает моя гордость. Псу под хвост летят планы, что поможет Витя, и вообще вся гениальная задумка по спасению.

Меньше всего на свете хочется возвращаться в дом Шаталова. Носки лодочек цепляются за выбоины на асфальте, словно ноги хотят меня остановить. И лишь проснувшийся в самый последний момент инстинкт самосохранения упрямо толкает вперед.

Вначале по трассе к калитке.

Потом по узкой дорожке к крыльцу.

И за ним – в холл.

Задуренная собственными мыслями, я даже не вспоминаю, как прощалась с хозяином и захлопывала дверь. Будто зомби, иду за телефоном в гостиную, к дивану. Но, свернув за угол, замираю с открытым ртом из-за открывшейся интимной картины.

Глава 6. Лопоухая принцесса

Глупые девочки находят принцев, а умные – проблемы на свою задницу.

«Шаталов меня не ждал», – это первое, что приходит в голову.

«Мама дорогая!» – так звучит вторая мысль, и, загипнотизированная движением обнаженной пары, я чуть не произношу ее вслух.

Дальше мозг уходит на перезагрузку. От ритмичных толчков, перекошенных наслаждением лиц и звонких шлепков во рту образуется пустыня, а мысли превращаются в кашу.

Краснея с каждой секундой все сильнее, я наблюдаю за теньями на полу, которые синхронно повторяют каждый выпад и прогиб. За колыханием высокой женской груди и вздувшимися венами на крепких руках мужчины. Не замечая лиц, смотрю на тела и не могу сделать ни единого вдоха.

О том, что нехорошо без разрешения вламываться в чужой дом и подсматривать за хозяевами, вспоминаю, лишь когда женщина со стонов срывается на крики.

Эти громкие «Да» и «Еще» отрезвляют сильнее будильника. Они децибелами бьют по барабанным перепонкам, и в панике ноги сами включают заднюю передачу.

Остатками извилин понимаю, что надо бежать. Что Ша-

талову сейчас не до моего телефона и не до гостей вообще. Зажмурившись как ребенок, я делаю всего три шага в сторону холла. В полутьме по памяти поворачиваю вправо. Однако вместо коридора упираюсь в огромный зеркальный шкаф. Лицом.

От прикосновения лба к холодному стеклу внутри все обрывается. Ноги, которые и до этого с трудом двигались, превращаются в неуклюжие палки. Руки плетью виснут вдоль тела.

Сердце бьется в ритме сигнала SOS – три коротких, три длинных, три коротких. Только помочь себе не получается. Вечер и до этого не был томным, а сейчас превращается в настоящую пытку.

Могла ли я такое предвидеть?

Наверное, да.

Шаталов не похож на человека, который развлекается по вечерам просмотром сериалов или компьютерными играми. Но то, что отражается в зеркале, наверное, не мог бы представить и победитель шоу экстрасенсов.

Трудно сознаваться, но с этим не сравнится даже кино. Ни в одном самом откровенном фильме я не видела такой одержимости, которая читается на лицах... троих. Фигуристой брюнетки, мускулистого блондина с серьгой в левом ухе и хозяина дома, раздетого до пояса, с расстегнутой ширинкой и внушительным бугром под белыми боксерами.

От вида Шаталова по нервам словно разряд ударяет.

До этого момента я его не замечала, взгляд цеплялся за обнаженные тела. А сейчас, будто муха, попавшая в паутину, не могу отвести глаз.

В отличие от брюнетки и блондина Шаталов не участвует. Он не прикасается к двигающейся парочке. Просто смотрит со своего кресла напротив дивана. Внимательно, почти не моргая.

Медленно наклоняет голову, будто контролируя каждый толчок и глубину. С дотошностью художника изучает взглядом влажные разводы на прозрачном латексе и капли пота на спинах любовников. Часто дышит, словно впитывает в себя чужое возбуждение и похоть.

Хищник, готовый в любой момент сорваться с места. Не запасной, а капитан команды, который временно позволил потренироваться без его участия.

И лишь плотно сжатые губы с опущенными уголками выдают совсем другие эмоции. Не азарт, не интерес, а скорее равнодушие... скуку.

К несчастью, развить идею о скуке не удастся. Блондин, который до этого любовался ягодицами партнерши, внезапно поднимает голову. И наши взгляды пересекаются.

Мой – сквозь зеркало. Его – прямой, точный, как снайперский выстрел.

– А это еще кто? – хрипло произносит мужчина.

И три пары глаз буквально приколачивают меня к проклятому шкафу.

– Какая принцесса! – Смахнув с лица пот, блондин обливается.

Его, похоже, ни капли не смущает мое присутствие.

– Лопухая, – дополняет женщина. И, оглядываясь на Шаталова, кривит красивые губы в брезгливой улыбке.

После такого обморок кажется единственным возможным выходом. Получается же как-то у некоторых коз и маленьких домашних собачек. Но, как назло, мое голодное, замерзшее и уставшее тело категорически не желает поддаваться земному притяжению.

Как последняя дура, поворачиваюсь лицом к хозяину дома и его гостям. И, не найдя других оправданий, выдаю скороговоркой:

– Я телефон забыла. А еще замерзла и... – Про голод сообщить не успеваю. Громким урчанием желудок сам сообщает о своем плачевном состоянии.

Однако вместо того, чтобы выгнать меня или наорать, Шаталов начинает смеяться. В голос, утирая слезы с уголков глаз. Забыв и о ширинке, и о голой парочке перед ним.

* * *

В себя я прихожу минут через двадцать. В столовой. С чашкой чая в руках и перед пиццей, которую только что доставил шустрый курьер.

Гостей нет и в помине. Еще когда Шаталов повел меня

в столовую, они быстро закончили свое дело и не прощаясь ушли.

Вероятно, мне стоило не ждать, а выйти к ним и извиниться. Во всяком случае, совесть так и нашептывала: «Иди и попроси прощения!» Но становиться свидетелем еще какого-нибудь извращения или просто чужой близости не было никакого желания.

С желаниями даже сейчас... негусто. Допить чай, забрать телефон и убраться из этого дома. Теперь уж точно навсегда.

Учитывая, как хозяин дома прощался со мной в прошлый раз, он наверняка будет лишь рад. Однако я пью чай глоток за глотком, а Шаталов молчит. Уже полностью одетый, следит за каждым моим движением и, вместо торжественного напутствия «Не забудь закрыть дверь», все сильнее хмурится.

Почти как во время недавней интимной сцены. И все же иначе.

– Со мной что-то не так? – Не выдержав, суетливо хватаю чайную ложку и пытаюсь рассмотреть свое отражение. – Может, тушь потекла? – Провожу мизинцем под нижним веком. Чисто. – Крошка где-то?

Гляжу на закрытую коробку с пиццей. Кушать хочется дико. В желудке будто черная дыра образовалась, но открыть коробку так и не решаюсь.

– У тебя щека красная и глаза сонные, – наконец произносит мой надзиратель.

– И?

– Ты спала на чем-то твердом? – угадывает он с поразительной точностью. Просто Шерлок Холмс!

– Нет, – вру я. – Просто ждала автобус.

Тру щеку, словно рукой можно стереть красный отпечаток.

– Тебя не учили, что обманывать взрослых нехорошо? – Шаталов откидывается на спинку стула и складывает руки на груди.

Точь-в-точь как преподаватель гистологии перед тем, как завалить меня на зачете. Даже прищур тот же, будто всех этих умников готовят на одних курсах.

– У нас не настолько близкие отношения, чтобы я вам отчитывалась!

Огрызаться в моем положении – не самая лучшая стратегия, и все равно ничего не могу с собой поделатъ. Дурацкий характер вечно берет верх над содержимым черепушки. И сегодня не желает давать никаких поблажек.

– А мне показалось, что теперь они у нас са-а-амые близкие, – вместе с растянутым «самые» губы Шаталова тоже растягиваются. Не в улыбку. Больше это похоже на кривой шрам.

Впору забрать злосчастный телефон и дать деру. Но моя сегодняшняя доза испуга уже превышена. Никакие спецэффекты больше не берут. С ума сводит не улыбка местного монстра, а аромат пиццы... с салями. И наверное, с папри-

кой.

– Ну, знаете ли... – Я отставляю чашку. – Это произошло случайно.

– Конечно, – хмыкает чудовище. – И как долго ты любовалась этим случайным... кхм, шоу?

– Недолго! – произношу слишком быстро, чтобы сошло за правду. Поэтому тут же приходится брать слова назад: – Достаточно.

Будто это не он, а я организатор порно-вечеринки, Шаталов качает головой и, кажется, вот-вот начнет ворчливо цокать языком.

– А вы... вы из тех, кто любит наблюдать, как другие занимаются сексом? – выпаливаю со злости, не дав себе ни минуты, чтобы обдумать вопрос.

К концу фразы заливаюсь краской и мысленно проваливаюсь сквозь землю. Однако Шаталов не выглядит удивленным. Он серьезен, как памятник на площади. И с виду такой же каменный.

– Люблю. – Склоняет голову набок. Словно смотрит захватывающий фильм, следит за моими зрачками. – А еще я люблю участвовать.

– В группе? – Мне давно пора зашить свой рот. Жаль, под руками нет ни нитки, ни иголки.

– Обычно парами. Кучно.

– Ясно...

Краска заливает не только щеки, но и шею. Я чувствую,

как пылает кожа. А еще почему-то снова начинает болеть попа. Ягодицы буквально горят, хотя Господин Экзекутор не прикасался к ним минимум пару часов.

– Ну, раз тебе все ясно, тогда ешь. – С ленивой грацией хищника Шаталов поднимается со стула и идет в гостиную.

Самое время обрадоваться и рвануть к выходу. Плевать, что голодная. Плевать, что на улице совсем темно. Плевать, что замерзну в легких туфлях и тонком плаще.

Как только я встаю, из гостиной доносится голос хозяина:

– По коридору направо свободная комната, – говорит Шаталов уже знакомым равнодушным тоном.

– Вы мне? – Перенапряженные за долгий день извилины буксуют.

– Полотенце и чистая футболка на кровати. Прими душ и ложись спать.

От такого неожиданного приказа челюсть мгновенно отъезжает вниз. И в голове тут же проносится вопрос: «Какого черта?»

Вероятно, я бы задала его вслух, но местный Холмс опять угадывает мысли.

– В общежитие и к друзьям тебе нельзя. Проверь телефон и успокой своего парня.

– Вы... Вы... – Не думая ни о чем, я срываюсь с места и бегу в гостиную.

Не беспокоит, что мы с Шаталовым в разных весовых категориях и вообще он хозяин дома, а я случайная гостья.

В памяти сразу всплывает рассказ знакомого старшекурсника о правилах пользования скальпелем, а перед глазами – анатомический атлас с выделенной зоной для кастрации.

Но жертва расправы сама находит меня возле двери.

– Хочешь нарваться на новый сеанс порки? – Резким движением Шаталов припечатывает мою несчастную тушку к стене и гранитным утесом закрывает весь обзор.

– Вы не имели права брать мой телефон.

Попа вспыхивает еще сильнее. Фантомная боль какая-то.

– Будем считать один – один.

– И все равно...

Чтобы хоть как-то успокоить разгоряченную пятую точку, я вжимаюсь задом в стену. А чтобы Шаталов не раскатал меня своей широкой грудью в тонкий блинчик – выставляю вперед руки.

– Твой друг названивал тебе так часто, что пришлось ответить и отключить звук, – Он произносит оправдание так спокойно, словно привык брать чужие трубки и разговаривать с незнакомыми людьми.

На его лице невозможно прочесть ни одной эмоции. Но для меня все это вдруг перестает быть важным.

От прикосновения к твердой мужской груди внутри происходит что-то странное. Я вроде бы прежняя, такая же уставшая и голодная, злая и испуганная одновременно. И в то же время другая. Незнакомка с внезапной аритмией и горящими пальцами. Не бесстрашный боец, привыкший в оди-

ночку справляться со всеми проблемами, а растерянная слабачка.

Глава 7. Под одной крышей

Не все мужчины одинаково полезны, но иногда и от кактуса есть толк.

Я набираю Витю, как только нахожу на журнальном столике свой телефон.

О времени стараюсь не думать. Сосед, конечно, не обрадуется такому позднему звонку. Вероятнее всего, он сейчас занят: вешает на уши какой-нибудь наивной первокурснице свою стандартную лапшу. Но без информации к утру я изведусь до состояния нервной истерички.

Сомневаюсь, что Шаталов оценит такое настроение. А напрашиваться на еще один сеанс порко-терапии что-то не хочется.

На мою удачу Витя берет трубку почти сразу.

– Мелкая, ты совсем с головой дружить разучилась? – судя по голосу, он немного злится.

– У нас сложные отношения. Сам знаешь, – остужаю его сразу, пока не начался дикий ор.

– Они у вас не просто сложные, а полный триндец! – выпаливает Витя раздраженно и тут же меняет тон. – Ты во что вляпалась?! Сегодня вечером по всему общежитию шмон был. Вначале какие-то чуваки с татухами, потом мент. И все искали тебя.

– Комендантша мои вещи пока на улицу не выставила?

Волноваться о вещах в моей ситуации, наверное, последнее дело. Там и вещей тех кот наплакал. А вот о других последствиях шмона пока и думать страшно.

Родных у меня в Питере нет. Из близких друзей – лишь Витя да Ирка, которая устроила на работу в ресторан. Перекантоваться к себе они бы пустили, даже родню смогли бы напрячь, чтобы на время приняли беглянку. Однако после бандитов и полиции...

– Лизка, ты только о шмотках и думаешь! – Витя тяжело вздыхает, и через пару секунд я слышу скрип двери.

Вероятно, друг выходит в коридор.

Само по себе это не имеет значения, но во время разговора фиговый признак. Значит, что-то темное, о чем соседям лучше не слышать.

– Тебе сейчас о вещах лучше временно забыть и не отсвечивать здесь, – продолжает Витя шепотом. – Мент был странный. Корочками всего на секунду светанул, словно боялся, что я фамилию его срисую. А первые... визитеры... Они вообще никому ничего не показывали. Прошлись по общаге, как по своему дому. До икоты запугали твоих соседей по комнате, а потом к комендантше отправились. Минут пять у нее в камерке языками чесали. Может, и больше.

– Наверное, чтобы сообщила им, когда я вернусь... – Прикусываю губу.

– А ты иногда можешь, если захочешь.

– Это мозжечок. – Что-то мне совсем не смешно. Идея отсидеться в чужой комнате накрывается медным тазом. Остается вторая, запасная и не самая надежная.

– Лиз, ты если хочешь меня просить у тетки поселиться... – с паузой тянет Витя. Угадывает мою мысль прямо как один местный монстр. – В общем, не проси.

– Она же у тебя на окраине живет. Кто к ней сунется?

– Лизка, эти мордovorоты твоим соседкам чего-то такого наговорили, что они и меня сдали, и Ирку. А мент, который вторым был, запросил у комендантши наши анкеты. С паспортными данными и домашними адресами.

– Черт... ты же у тетки прописан. – Хочется стукнуться головой о стену.

– Вот! Мозжечок – сила! Сама вспомнила.

– Ладно... – Пока не началась паника, стараюсь взять себя в руки. – С тобой все ясно. Но об Иркиной двоюродной сестре ни одна живая душа не знает. У них и фамилии разные, и возраст, и живет она дальше твоей тетки.

– Не хочу тебя расстраивать, но Ирка сама в бега ударилась.

– Ее нет в общежитии? – Обняв футболку, любезно оставленную монстром, я сажусь на кровать.

– Нет! И телефон не отвечает. Я вначале думал, что вы где-то отрываетесь. Только после разговора с чуваком, который вместо тебя взял трубку, понял, что ни хрена вы не в отрыве.

– Да... – При слове «отрыв» почему-то вспоминается эротическая сцена в гостиной. А в голове начинает звучать похоронный марш.

– Знаешь, Лизка... – Витя на секунду задумывается. – Не знаю, кто там тебя приютил, но, судя по голосу, мужик серьезный. Тебе бы вцепиться в него всеми способами и просить убежища.

– Ты не знаешь, о ком говоришь... – Я оглядываюсь, будто кто-то может подсматривать, и вздрагиваю. – А про способы вообще молчи!

– Я видел тех, кто приходил по твою душу. Чудом успел посмотреть до разговора. Сильно сомневаюсь, что они понравятся тебе больше, чем этот твой... Его хоть как зовут?

В ответ так и хочется пошутить, что «его не надо звать, он сам приходит», но даже от плоских шуток сейчас тошно.

– Неважно, как его зовут. – Забираюсь с ногами на кровать. Мягкую, в отличие от ее твердокаменного хозяина. – Я знаю этого человека всего несколько минут. И он тоже не горит желанием меня охранять.

– Ну ты как девочка! – хмыкает Витя, словно мне не девятнадцать, а минимум тридцать девять. – На север к отчиму и мамке захотела? Или в местную канаву?

– Нет. – Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить всех своих внутренних демонов. – Ни домой, ни в канаву я не хочу. У меня здесь институт и планы на будущее!

– Тогда крутись! Не хочет мужик тебя охранять – убеди.

Не поведется на уговоры, пускай в ход тяжелую артиллерию. В конце концов, переспи с ним! Вряд ли после меня он научит тебя чему-нибудь новому... – Голос Вити незаметно меняется. К тревоге добавляются самодовольные нотки. – Но ты хоть задницу спасешь. И психику свою. Нервную!

* * *

Мысль о том, что нужно остаться и попросить Шаталова о помощи, я гоню от себя до самого утра. Вначале в ванной, куда все же захожу перед сном. Потом – ворочаясь с боку на бок в кровати. А после во сне.

В моем сновидении Шаталов полуголый. С кубиками, широкой грудью, сильными руками и тем же взглядом, какой я видела у него во время порнографического шоу.

Разница лишь в участниках. Вместо блондина брюнетку трахает сам хозяин дома. Так же одержимо, но более жестко. А я сижу на диване и внимательно наблюдаю за парочкой. Словно так и нужно! Будто я такая же!

Это не первый эротический сон в моей жизни, только после него утром на Шаталова даже смотреть стыдно. Он с виду прежний, как вчера. Белая рубашка, темные брюки, хмурый взгляд. Не человек, а бетонная стена. Но я в каждом жесте и движении вижу его ночного.

– Спасибо вам большое, что разрешили остаться. Предаёт даже собственный голос. Вместо четкого «спасибо» получа-

ется что-то растянутое. Другие слова вообще звучат скороговоркой.

Не самая лучшая попытка начать наше общение с чистого листа.

– Ты знаешь слово «спасибо»? У нас прогресс.

Шаталов ни капли не пытается помочь. Пьет свой кофе. Такой же, как поставил передо мной – черную жижу без молока и сахара. И сканирующим взглядом скользит по моему лицу. От лба к подбородку. От одного слегка оттопыренного уха к другому.

– Я вчера была немного в шоке. – Ненавижу оправдываться. Фразы приходится выталкивать из себя сквозь зубы.

– Когда научишься стучать в дверь или пользоваться звонком, твоя жизнь станет легче, – на полном серьезе произносит этот мерзавец.

– Сегодня же приступлю к учебе! – Попытка быть милой заканчивается, едва начавшись.

– Надеюсь. – Шаталов делает новый глоток и косится на свой телефон.

Самое идеальное время, чтобы собрать остатки гордости и помахать рукой хозяину этого дома. Но он не позволяет и подняться.

– До суда будешь жить здесь, – внезапным приказом прибывает Шаталов мою пятую точку к сиденью стула.

– Здесь?.. Я... – Мысли разбегаются в голове, как тараканы.

– Ключ выдам. Охрану предупредил еще вчера, когда вез сюда. За вещами можем съездить через час. Раньше никак, у меня есть свои дела.

– Вы... вы сейчас серьезно? – Дабы убедиться, что не сплю, щиплю себя за руку.

Боль отрезвляет тут же. Мы в реальности. Серый волк на самом деле предлагает Красной шапочке поселиться у него, пока бабушка разбирается с бандой дровосеков.

Новая версия старой сказки. И должна признаться, гораздо более пугающая.

– Считаешь, я похож на шутника? – Шаталов вскидывает левую бровь, и дрессированный табун мурашек начинает забег от моей макушки вниз.

– Я вас даже не знаю!

– Марк. Имя наверняка слышала. Этого хватит.

– А кем вы работаете? Или чем занимаетесь? – Облизываю губы. – Мне нужно убедиться, что вы сможете меня защитить.

– Я смогу. Предлагаю на этом поставить точку.

– Я, конечно, рада, что вы все сможете... но у меня так просто не получится. Я вообще-то не игрушка и не какая-нибудь там дамочка по вызову. У меня институт и работа.

– Учишься в медицинском и подрабатываешь в сомнительных ресторанах. – Шаталов не спрашивает. Нет, он проносит это как диагноз. Например, как сифилис или гонорея.

– Не у всех есть гора денег. – Демонстративно обвожу взглядом столовую.

Вечером я не смогла рассмотреть всю роскошь, голова была забита другим. А утром, пока местное чудище убивало в тренажерном зале боксерскую грушу, успела и дом обойти, и челюсть с пола поднять... раз десять.

– Не все с рождения живут в роскоши, – хмыкает Шаталов. – Некоторым приходится работать. И не красивой попкой, а этим. – Указательным пальцем он показывает на свой висок.

– Значит, у меня красивая попка? – Язык вновь опережает мозг. Просто фальстарт за фальстартом.

– Уверена, что готова обсудить? – Шаталов скалится в самой плотоядной улыбке, какую я когда-либо видела. – У меня, знаешь ли, по твоей вине вчера кое-что сорвалось. Боюсь, от теории могу слишком быстро перейти к практике.

В том, что он банально издевается, нет никаких сомнений. Куда мне со своими скромными выпуклостями до вчерашней фигуристой дамочки? Мы как земля и небо. Цифра «один» и цифра «восемь». Но все же заливаюсь краской и мысленно посыпаю голову пеплом.

– Вы не в моем вкусе, – ворчу себе под нос.

Чтобы занять рот и не выдать еще большую глупость, я глотаю горький, похожий на отраву кофе. Однако Шаталов будто и не замечает попытку спустить все на тормозах.

– А ты у нас, оказывается, эксперт, – произносит он, вста-

вая.

И это звучит уже не как диагноз, а как эпитафия... для моей гордости.

* * *

После перепалки за завтраком в общежитие я собираюсь, как троянец на битву с персидским царем. Мысленно заклеиваю себе рот. Повторяю слова Вити, что на другую защиту лучше не рассчитывать. И пальцами кое-как расчесываю длинную светло-русую гриву.

Хочется казаться если не привлекательной и взрослой, то хотя бы нормальной и вменяемой. Но Шаталов на мои усилия не обращает никакого внимания. Всю дорогу он говорит по громкой связи с каким-то партнером. В пробках листает бумаги из серой папки, которую прихватил с собой в машину. А возле общежития создается впечатление, что сейчас он высадит меня и укатит в дальнюю даль, будто таксист.

Может, это было бы и неплохо. Но не успеваю я выйти из машины, как он тоже отстегивает ремень и прерывает телефонный разговор.

– Я сама схожу...

Страшно даже представить, что скажут соседки, увидев такую охрану. От сплетен и за год не избавлюсь.

– Самой тебе теперь лишь в туалет можно. И то пока не решу, что и это опасно.

– А у вас своих дел совсем нет? – Обхватываю себя за плечи, чтобы нельзя было взять ни за руку, ни под руку.

Любой нормальный мужчина понял бы. Но я же удачливая!

– Больше, чем ты можешь себе представить.

Горячая ладонь ложится на поясницу, и будто мы влюбленная парочка, Шаталов буксирует мою безвольную тушку к порогу общежития.

На глазах у комендантши, которая именно сейчас решила выглянуть в окно. Под зорким взглядом сплетниц с первого этажа.

– Вы кого-то убили, что так выслуживаетесь перед полицией?

Чтобы не привлечь еще чье-нибудь внимание, не сопротивляюсь. Внутри закручивает свои колечки смерч, спина в огне, однако шаг за шагом я иду к ступеням, как королева на эшафот – спокойно и уверенно.

– Кое-кто другой убил. И сейчас я очень надеюсь упечь этого другого на такой долгий срок, что он уже не выйдет, – огорошивает признанием Шаталов, когда мы синхронно переступаем порог.

Для признания, конечно, не место и не время. От неожиданности даже оступаюсь. Каблук скользит по мокрой, вымытой палубным методом плитке. В груди рождается крик «А-а!».

Но Шаталов не дает мне свободы даже в падении. Вместо

пола мое лицо впечатывается в мужскую грудь. Вместо «А-а!» с губ срывается какой-то стон. И тот же разряд, что вчера вечером, прошибает от кончиков волос до пят.

Будто я громоотвод, созданный исключительно для ловли молний.

Словно глупая собачка, которую дрессируют с помощью электронного ошейника.

Глава 8. Опасный мужчина

– Есть хоть что-то, чего вы не можете?

– Оставаться бессильным.

Оставшаяся часть дня проходит намного легче, чем утро. После позорного визита в общежитие я уговариваю Шаталова отвезти меня в институт. И на удивление, этот цербер сразу же соглашается.

Мы паркуемся на стоянке для преподавателей, как раз недалеко от входа в главный корпус, и Марк, словно совершенно нормальный человек, желает хорошего дня.

Первые несколько секунд кажется, что ослышалась, что не может это чудовище желать чего-то хорошего... тем более – мне. Но потом шум за спиной заставляет забыть о новом охраннике, его словах и странных эмоциях, которые он вызывает.

За первую же лекцию мозги возвращаются на место. На переменах, вместо того чтобы думать о всяких брюнетках в чужих постелях, я разыскиваю Иру. На последней паре, вместо того чтобы слушать преподавателя, переписываюсь с Витей.

И первое, и второе немного успокаивает. Одна из общих подруг признается, что видела Иру за городом, в закрытом клубе, под ручку с каким-то парнем. Довольную и счастли-

вую. Это не объясняет, почему подруга не берет трубку и не отвечает на сообщения, но моя тревога за нее спадает. Не одна, улыбается – и ладно.

Витя тоже радуется. После визита мента и головорезов об общежитии все будто позабыли. Несмотря на поездку за вещами, никто не перемывает мне кости, не интересуется, куда пропала и когда вернусь.

Студенческая жизнь бурлит как обычно. Одна новость сменяется другой. Только в них больше нет меня.

Ни одной причины для волнения! Однако, стоит после занятий выйти из главного корпуса, эта самая причина, уже без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами, ждет возле машины.

– Я могла бы добраться общественным транспортом. – Образ буки получается у меня в последнее время лучше всего. Аж самой противно.

– А я считал, что мы договорились. – Шаталов распахивает дверь своей черной как смоль бэхи и кивком приказывает: «Место!»

Краем глаза замечаю, как прохожие притормаживают рядом с нами. Оглядываются. Спиной чувствую любопытные взгляды. И как назло, не могу сделать ни шага.

Ума не приложу, сколько бы так простояла. Женский голос совсем близко заставляет очнуться.

– Вау, Лиза, а ты случайно не в общежитие сейчас? Можно с вами?

Одна из сокурсниц, Кристина, обгоняет меня и, натянув на пышной груди короткий топ, начинает гарцевать перед Шаталовым на по-стриптизерски высоких каблуках.

– Мы не в общежитие.

Еще секунду назад я и не собиралась садиться ни в какую машину, но тут уверенной походкой направляюсь вперед и плюхаюсь на пассажирское сиденье.

– А неважно куда! – машет рукой Кристина и еще сильнее выпячивает грудь. – Универ так достал, что я готова просто покататься. Хоть до метро, хоть до трамвайной остановки.

Серые глаза однокурсницы без всякого смущения скользят по фигуре Шаталова. Пухлые губы искривляются в труднолюбивую уточку.

От такого откровенного напора мне становится противно. Нет ни одного сомнения, что Шаталов согласится на это щедрое предложение. В конце концов, дичь сама летит в руки. Даже напрягаться не стоит.

Но будто и не слышал ничего, Марк обходит машину, садится на свое место. И лишь когда шустрая женская ладонь касается дверной ручки, ненадолго прерывает молчание.

– В расписании сегодня ни одной оргии, – холодно сообщает он, опустив стекло. – Мне вполне хватит твоей подружки.

Если бы словами можно было убивать, это был бы расстрел. Причем массовый. От стыда я не могу выдавить Кристине даже несчастное «Пока». А когда Шаталов заводит

двигатель, равняюсь цветом румянца с флагом СССР.

– Вы вообще можете думать о чем-то, кроме секса? – шиплю, как только речевой аппарат отходит от контузии.

– С недавних пор в моем доме поселилась одна языкастая особа, из-за которой секс временно под запретом.

– И... вы это делали во всем доме? – Я нервно сглатываю, вспоминая уютную гостевую комнату, где провела сегодняшнюю ночь.

– А зачем себя ограничивать? Я заплатил немаленькие деньги за этот дом. За каждую его комнату.

– Да, поняла... Можно без подробностей? – Мой румянец горит все сильнее, а во рту становится все суше.

– Можно, – как-то подозрительно быстро соглашается Шаталов. – При условии, что ты готовишь ужин.

Последнюю фразу он произносит тем же насмешливым тоном, каким говорил до этого. И я не сразу понимаю, что все серьезно.

– Мне казалось, такие, как вы, питаются в ресторанах. – Обалдело смотрю на него во все глаза.

– Обычно да. – Шаталов даже не косится в мою сторону. Одной рукой ведет машину, другой проверяет что-то на экране навигатора. – Но должна же ты хоть как-то расплачиваться за жилье и защиту.

– Я могу помыть пол... – Закусываю губу.

Пустой желудок тут же разрывает тишину громким урчанием.

– А ему предложишь пожевать половую тряпку?

Мужская рука ложится на мой плоский живот так неожиданно, что перехватывает дыхание.

– Он... – От горячих пальцев по коже словно огненные змейки расползаются.

Я уже знаю, что такое секс. Хорошо помню свои ощущения, когда Витя учил доставлять ему удовольствие и изучал мои эрогенные зоны. Он не ленился тогда. Щедро платил за девственность.

Однако это прикосновение Шаталова не идет ни в какое сравнение.

Марк не касается моего белья. Его жест целомудреннее, чем проповедь Папы Римского. Но будто мы уже откатали получасовую прелюдию и выучили наизусть каждый сантиметр тел, внутри сжимается невидимая пружина, а губы начинает саднить так сильно, что я готова расцеловать лобовое стекло.

– Потише, девочка! – Неожиданный шепот обдает волной жара.

– Я... я ничего... – Собственный голос тоже хрипит.

– Я просто хотел тебя накормить. – В тоне Шаталова больше нет и тени насмешки. Он серьезен.

Рука исчезает с моего живота так же быстро, как и появилась.

Наверное, нужно порадоваться. Обо мне заботятся. Мистер Самый циничный и надменный готов променять ужин

в ресторане на жареную картошку – единственное блюдо, которое я научилась готовить к своим девятнадцати.

Охрана с опцией «Все включено». Только почему-то не радуется.

От растерянности сама себя не узнаю. Внизу живота все еще тянет. От взгляда на Шаталова с сердцем происходит не пойми что. А от мыслей о новом прикосновении... хочется выйти из машины, не замечая скорости.

Глава 9. На ощупь

Некоторые вещи виднее на ощупь.

Вечер проходит удивительно спокойно. Несмотря на все мои усилия, удивить Шаталова так и не удастся. Судя по скорости поедания жареной картошки, когда-то в его роду точно были белорусы. А печаль на лице из-за спаленных стейков выдает оленевода с Крайнего Севера.

Впрочем, и первое, и второе стараюсь не замечать. Пока хозяин дома, тяжело вздыхая, поминает какого-то ангуса, отдавшего жизнь ради сегодняшнего ужина, я быстренько за-талкиваю в свой говорливый желудок побольше еды и скрываюсь в гостевой комнате.

Мысль о том, что следующий день выходной, упорно гоню от себя подальше, как и воспоминания об опасных прикосновениях своего охранника. Однако утро преподносит сюрприз.

Меня буквально выворачивает наизнанку от сильной боли ниже живота. А испачканные кровью любимые хлопковые трусы предупреждают о четырех днях ада и оптового поедания обезболивающих.

В принципе, ничего нового. Обычное ежемесячное «счастье». В этот раз на неделю раньше графика и без таблеток. Их, будто это что-то неприличное, я умудрилась оставить

в общежитии во время экстренного сбора вещей.

Меньше всего хочется пугать Шаталова. Он последний человек, которому стоит рассказывать о менструации. Но то, что мне не просто плохо, а совсем беда, вероятно, крупным шрифтом пропечатывается на лбу.

– Стоять!

Мы сталкиваемся в коридоре. Марк – после очередного избиения груши. В промокшей майке и с полотенцем на шее. Я в образе старушки из подземелья – бледная и в полусогнутом виде.

– Можно я сегодня буду подчиняться только команде «лежать»? – Кое-как заставляю себя расправить плечи и взглянуть в глаза своему дрессировщику.

– Ты заболела? – Шаталов без спроса берет мою руку и кладет средний палец на запястье.

Нам уже показывали такой прием измерения пульса. Еще на первом курсе. Однако надо признать, у Марка получается намного лучше, чем у лектора. Подушечка с ювелирной точностью ложится на радиальную артерию, и уже через несколько секунд мой доктор становится хмурым.

– Всё в порядке. Немного приболела, скоро пройдет.

Пытаюсь освободить свою руку, но захват на кисти становится лишь сильнее, а в глазах напротив вместо тревоги вспыхивает злость.

– Где болит?

Меня, как куклу, начинают вертеть в руках. Внимательно

осматривают лицо и шею. Когда уже хочется послать одного умника к черту, Шаталов давит подушечкой пальца на нижнюю губу, заставляя открыть рот.

– Не нужно, – шепчу я, касаясь губами пальца. – Это не горло.

В наших словах и жестах нет и намека на интим, но проклятое тело снова реагирует слишком остро. Кожа на запястье и щеках, в местах, где прикасался Шаталов, мгновенно вспыхивает. А сердце начинает колотиться так быстро, что я вынуждена спрятать руки за спину. Подальше от ходячего пульсометра и его чутких пальцев.

– Могу вызвать скорую или врача из частной клиники.

– Я же будущий врач. Слышал про «исцели себя сам»? Вот, буду исцелять!

– Обязательно. Потом. Когда-нибудь.

Все мои попытки отстраниться Шаталову по барабану. Он теснит меня к стене. Когда позвоночник вминается в твердую поверхность, на лоб опускается тяжелая горячая рука.

Не представляю, что можно так намерять. Прием, мягко говоря, далек от медицины. Но хотя бы сейчас Марк не изображает супермена с датчиками в каждой конечности.

– Непонятно, – цокает он. И, вместо того чтобы отпустить меня немного поумирать на диване под шум телевизора, тянет в столовую.

– Только не завтрак. Умоляю!

Мысль о еде мгновенно усиливает тошноту. Чтобы не опо-

зориться, приходится зажать рот ладонью и перейти на жесты.

Шаталов игнорирует и это. Открыв верхний ящик, он вытаскивает какую-то коробку. И пока я продумываю план побега в гостевую комнату, достает градусник. Обычный. Ртутный. Судя по выцветшей шкале и картонной упаковке, сделанный еще при динозаврах.

– Пользоваться умеешь?

От вопроса я даже теряюсь.

– А это обязательно? – Мысленно поднимаю с пола свою челюсть и для надежной фиксации приматываю ее изолентой.

– Вопрос был: умеешь или нет.

Наверное, я слишком медленно думаю. На скулах Шаталова проступают желваки. Могучий подбородок, покрытый модной темной щетиной, угрожающе выдвигается вперед.

Вкупе с литыми мышцами, запахом пота... не противным и не горьким, все это, вероятно, должно напугать до состояния послушной болонки.

К сожалению, вместо здорового испуга во мне включается какой-то тормоз. Одна часть мозга так и намекает, что следует рассказать о месячных да закончить этот унижительный медосмотр. Другая вместе с мозжечком расплывается в черепушке вишневым джемом.

Не в состоянии внятно ответить я лишь кусаю губы и пытаюсь втянуть в легкие хоть немного кислорода.

– Ясно, – со вздохом произносит Шаталов.

Что именно ему ясно, определить сложно, но уже в следующую минуту он садится на ближайший стул и плюхает меня на свои колени.

Дальше не успеваю и мяукнуть. Словно я не человек, а учебный манекен, Марк поднимает мою правую руку. Сует под мышку градусник и, прижав меня к груди медвежьим захватом, важно сообщает:

– Ждем пять минут. Будешь дергаться, отшлепаю.

Если это не фиаско, то даже не знаю, как назвать. Ни с Витей, ни с кем другим я никогда не чувствовала себя настолько беспомощной дурой.

Будто это вообще не я, а кто-то другой. Слабый на передок, как кошка в марте. Без проблем, без планов и без принципов. Надувная игрушка для удовлетворения потребностей одного слишком тестостеронистого самца.

Последняя мысль отрезвляет. От собственной покладистости становится еще более тошно, чем от боли. Стыд затапливает с головы до ног, вымывая из извилин всю вишневую чепуху.

– Можно не ждать. Я и правда здорова, – произношу уже нормальным голосом.

– Исцелилась?

– Нужно было сразу сказать... – Облизываю губы. – У меня месячные. Чуть раньше, чем должны были начаться. Это точно не болезнь.

– И к чему была вся секретность? – Шаталов убирает руки так резко, что я чуть не падаю.

– Для меня это слишком личное.

Спрыгиваю с его колен и суетливо сую градусник в картонную упаковку. Подальше от глаз.

– О да! Более личного не бывает!

– Куда мне со своими секретами до ваших оргий?!

– Оргии в сравнении с тобой – скука смертная. – Глаза Марка все еще серьезные. По нему видно, что злится. Из ушей так и валит пар. Лишь приподнявшиеся уголки губ выдают совсем другие эмоции. – Таких развлечений у меня еще не было.

Отвернувшись в сторону, он заливается хохотом. Все такой же огромный, сильный и твердый, как боксерская груша, по которой сейчас безумно хочется ударить.

– Рада, что вам весело, – цежу сквозь зубы. – А таблетки есть? Обезболивающие.

– Тебе обычные? – Отсмеявшись, Шаталов утирает лицо полотенцем.

После наших игр во врачей от гордости уже ничего не осталось, поэтому говорю прямо:

– Мне посильнее. И желательно что-то быстродействующее.

Идеальный повод поиздеваться надо мной еще больше, но Шаталов даже не улыбается.

– Сейчас будет, – произносит он. И, порывшись в той же

коробке, где лежит градусник, достает голубую упаковку. – Скоро станет легче.

Марк кладет в мою раскрытую ладонь две капсулы. И протягивает стакан с водой.

Для человека, который планировал сегодня весь день умирать и проклинать свою забывчивость, это выглядит как подарок небес. На радостях, пока пью воду, даже забываю, насколько мне плохо. И лишь когда стакан оказывается пуст, от резкой боли возвращаюсь в реальность.

– А долго нужно ждать, пока они подействуют? – Обхватив живот, сгибаюсь пополам.

– Минут пять – семь. Я дал тебе повышенную дозу. Больше нельзя.

– Черт... что ж так долго?

В отличие от действия моих обычных лекарств пять или семь минут – это очень быстро. Впору просить название и бежать за рецептом чудо-средства. Но сейчас мне настолько плохо, что хочется ускорить.

– Я могу еще как-то помочь?

Шаталов уже давно мог уйти. Мавр сделал свое дело. Только он до сих пор рядом.

– Отвлеки меня как-нибудь, – вырывается со стоном.

– Не уверен, что мои варианты подойдут.

– Кажется, я сейчас и на шапито соглашусь.

Буквально минуту назад боль была вполне терпимой. На коленях Шаталова я ее вообще не ощущала. А теперь со-

всем крышка.

– Из меня хреновый клоун. – Марк проводит ладонью по моему плечу. Будто считывает что-то.

– Тогда без шапито...

На глаза наворачиваются слезы, и я, как собачка, утыкаюсь носом в мужскую ладонь. Не понимая зачем. Без единой мысли.

– Наверняка я об этом еще пожалею. – Он сокращает между нами расстояние.

И, когда волна новой боли пробивает насквозь, упругие губы накрывают мой рот.

В медицине нет такой терапии. В толстых анатомических справочниках ни слова о связи губ и женских проблем. От всего этого так и веет язычеством и древними ритуалами, но боль мгновенно гаснет.

Вместо острых вспышек я чувствую, как чужой кислород заполняет легкие. Как умелый язык скользит по нёбу, вызывая дрожь. И от близости твердого горячего тела мое собственное загорается всеми нервными окончаниями, как гирлянда на новогодней елке.

Глава 10. На грани

Влюбленность и глупость часто ходят рядом.

Боль не возвращается до самого вечера. Шаталов с его альтернативной медициной здесь, конечно же, ни при чем. Но от его волшебных таблеток я не отказываюсь.

К счастью, самого себя в комплекте с лекарством местный эскулап не предлагает. После нашего поцелуя я для него вообще словно исчезаю. Всю субботу Шаталов работает в кабинете, не замечая моих прогулок туда-сюда по коридору. В воскресенье – больше двух часов пропадает в тренажерном зале, а потом снова заседает в кабинете.

Никогда не встречала более трудолюбивых людей. Папа не был трудоголиком, да и умер он на рыбалке, от отравления какой-то настойкой. Отчим предпочитал вкалывать только в спальне. Обычно с мамой, иногда случалось, что с любовницей. Сама мама после восьмичасового рабочего дня работала лишь на диване. Смотрела сериалы. Ругалась на рекламу. И вздыхала во время новостных передач.

С Шаталовым все не так. Как ни искала, я так и не нашла пульт от телевизора. В кладовке не оказалось и намека на рыболовные снасти. А из женщин здесь обитаю одна я.

Все это немного непривычно. К вечеру воскресенья хозяина-трудоголика становится жалко. На радостях, что таб-

летки в очередной раз помогли справиться с болью, я даже заглядываю в его кабинет. Открываю рот, чтобы сообщить о новой партии жареной картошки. И теряюсь.

– Я сейчас уезжаю, – сообщает Марк, застегивая пуговицы на рубашке.

– Деловой ужин в воскресенье? – Сама не знаю, зачем спрашиваю.

– Закажи себе в доставке какую-нибудь еду. Лучше полезную. Жареной картошкой легко можно заработать гастрит.

Он проходит мимо. Совсем близко и все же не касаясь, будто я прокаженная или могу испачкать.

– На вас заказывать? – срывается с губ еще один дурацкий вопрос, и я чуть не хватаю Шаталова за руку.

Глупо. Но внутри словно какой-то ежик топорщит иголки, и от острых уколов соображать совсем трудно.

– Нет. Меня не жди. Буду поздно.

После такого ответа точно нужно заткнуться, а еще лучше – быстренько рвануть в гостиную и спустить побольше денег на фуа-гра или еще какие-нибудь деликатесы.

Жаль, в вопросах, касающихся Шаталова, мой язык категорически не желает дружить с мозгом.

– Вы едете к ним?.. – бросаю в спину.

– Не понял. – Чудовище оборачивается ко мне всего на секунду.

На красивом лице ни одной эмоции. Взгляд – как у хирурга перед сложной операцией.

– Вы едете заниматься сексом со своими знакомыми? – произношу медленно, как слова из иностранного языка, который пока только учу.

– Девочка, не твое дело, – убивает Шаталов этим проклятым «девочка».

– Да... – спохватываюсь. – Куда мне?..

– Вот именно!

Кажется, я все еще смотрю ему в глаза, пытаюсь что-то рассмотреть. Но в реальности до меня доносится звук шагов и звон металла, похожий на звяканье ключей.

– Банковская карточка на журнальном столике в гостиной. Ключи на всякий случай оставил там же. Только не додумайся никуда уйти, – это последнее, что слышу от Шаталова.

После чего хлопок двери оставляет меня в полной тишине.

Наверное, отъезд Марка не так уж плох. Целый дом в полном распоряжении. Без надзирателя, в присутствии которого даже дышать нормально не получается. С банковской карточкой и ключами, благодаря которым я не чувствую себя заключенной.

Вопреки всем плюсам настроение с отметки «отлично» стремительно падает к «дерьмово». Вместо аппетита снова накатывает тошнота. Жареная картошка летит в мусорное ведро. С трудом сдерживаю себя, чтобы не отправить туда еще и сковороду.

Для той, что должна была радоваться безопасности и сер-

вису по принципу «все включено», – нездоровые мысли и поведение. Витя, узнай он об этом, покрутил бы пальцем у виска. Ира отправила бы к психиатру.

Но стоит хоть на секунду представить Шаталова с брюнеткой, блондином или еще с кем-нибудь... полуобнаженного или совсем без одежды, – губы начинает саднить до боли, а крыша еще быстрее едет вниз.

«Лиза, не смей раскисать!», «Он не твой! Он вообще не твоего поля ягода!», «Радуйся, что одна!» – повторяю как мантры, чтобы хоть как-то привести в порядок нервы. Но от всех этих «не твой» и «не смей» становится лишь больнее.

Ни в детстве, когда мама привела в наш дом отчима, ни в прошлом году, когда Витя променял меня на очередную первокурсницу, я не чувствовала ревности.

С мамой всегда было непросто. Она присутствовала в моей жизни скорее как свидетель, чем как родной человек. Я никогда не ощущала нашей близости. И не гонялась за тем, чего не знала.

С Витей все стало ясно еще до первого секса. Он мечтал поставить новую звезду на фюзеляже своего эго. А я хотела понять, ради чего ж такого отчим постоянно изменял матери, а она, несмотря на его подлость, терпела и продолжала ждать в постели.

Ни с мамой, ни с Витей не было никакого разочарования или злости. В обоих случаях учеба легко заполнила образо-

вавшуюся пустоту. А сейчас из-за совершенно постороннего человека, временного охранника, во мне проснулась целая бездна ярости.

В отчаянии хочется списать эти эмоции на месячные, гормональный всплеск, и все такое. Однако стоит лечь спать, я снова вижу Шаталова. Здесь же, в гостевой комнате, но с другими. Когда перехожу на диван в гостиную, картинка становится лишь ярче и порочнее. А когда пересаживаюсь в кресло – к злости добавляется что-то новое, от чего жутко болит переносица и, как во время аллергии, слезятся глаза.

Тревожный диагноз. Неведомая хворь, косящая психику и тело.

Мое «исцели себя сам» не действует на нее, как ни пытаюсь отвлечься конспектами и учебниками. Скучный жизненный опыт молчит. И даже сон не может помочь.

В нем, как назло, опять Шаталов. Почему-то уставший и злой. В тех же костюме и рубашке, в которых выходил из дома. Будто хочет что-то понять, он садится рядом. Заправляет мне за ухо выбившуюся прядь. Подушечкой пальца невесомо касается щек, губ и подбородка. А после... подхватывает меня на руки и несет.

Осторожно, словно я хрустальная и могу разбиться.

Прижимая к груди так тесно, что слышу, как быстро бьется его сердце, и дурею от запаха.

Странный сон. Такой же непонятный, как мои вчерашние эмоции. Сладкий и горький одновременно.

Несмотря на главное действующее лицо, просыпаться не хочется от слова «совсем». Марк во сне уходит, но я все равно пытаюсь дотянуться до него. Шепчу непослушными губами что-то вслед. Ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь вернуться в необычное сновидение.

Но, когда где-то вдалеке слышится шум воды, сонливость слетает с меня, как пушистые семена с одуванчика.

Будто в первый раз вижу, осматриваю в полутьме потолок и стены гостевой комнаты. Трогаю кровать, которую еще вечером променяла на диван, а после – на кресло. Тру щеки и глаза, надеясь поскорее разобраться с вязким туманом в голове.

Понимание, что сон не был сном, приходит постепенно. Оно подбирается ко мне невидимым воришкой. Дергает внутри какую-то нитку, заставляя вздрогнуть и обхватить себя руками. Выталкивает из кровати прочь. На звук, как слепого крота.

Глава 11. Точка кипения

Мы как магниты. Притягиваемся, независимо от воли и желания.

Плитка пола холодит босые ступни, но я иду по дому, не останавливаясь ни на секунду. Словно в спину кто-то толкает. Вначале направо по коридору. Мимо гостиной и хозяйской спальни. Затем вниз по лестнице, в сторону тренажерного зала.

Иду, по-прежнему обнимая себя руками. Без единой мысли и без плана. Дрожу в тонкой пижаме, будто сейчас не сентябрь, а январь.

Замедлиться не получается, даже когда шум воды становится громче и свет все сильнее бьет по глазам. Как перед нырком, я делаю глубокий вдох на пороге просторной комнаты с тренажерами и несчастной грушей. Щурясь, облизываю пересохшие губы.

Совсем безвольная. С клубком эмоций вместо извилин. И с какой-то совершенно непонятной, запредельной даже для меня смелостью.

Страха словно не существует. Злости, которой пропиталась насквозь за долгий вечер, – тоже. Я помню их вкус. Помню, как представляла Шаталова с незнакомыми женщинами, как ругала себя. А теперь...

Осталась только дикая смесь любопытства, непонимания и чего-то незнакомого, запретного. Такого сильного, что с трудом заставляю себя притормозить у запотевшего стекла душевой кабины. А когда подхожу вплотную, сердце ударяется о ребра так громко, что подкашиваются ноги.

Ни в первую близость с Витей, ни во вторую я не чувствовала никакого волнения. С ним я позволяла себе все. Смотрела. Гладила. Пробовала на вкус. По выходным, когда соседи разъезжались кто куда, мы часами торчали в кровати, изучая разные позы, и честно рассказывали, что понравилось, а что нет.

Казалось, у нас все идеально и правильно. Именно так, как должно быть! Но никогда, даже в наш последний раз, я не робела и не тряслась при виде обнаженного мужского тела, как в эту минуту.

С Шаталовым все иначе.

Меня прибывает к полу от первого же взгляда на него. И уже в следующий момент хочется рвануть в свою комнату, а лучше – вообще из дома.

Наверное, если бы сердце не колотилось так быстро, я бы и убежала. Ни один бандит не сумел бы остановить. Однако теперь не могу.

Как под гипнозом, пялюсь на рельефную мужскую спину, широкие плечи, на крепкие ягодицы с идеальными ямочками, на длинные ноги... От напряжения забываю, как дышать.

К счастью, Марк меня не видит. Упершись руками в сте-

ну, он смотрит куда-то вниз. Неподвижный как статуя. Красивый с этими своими буграми мышц и витых сухожилий, как греческий бог.

Подставив мощную шею под прозрачные струи, он не шевелится. Словно смывает с себя что-то. Долго, настойчиво. Пока я не слышу сквозь шум воды хриплое, глухое:

– Уйди.

Короткое слово хлещет по лицу, как жесткая пощечина. Кожа вспыхивает. Каждый сантиметр загорается огнем. Но я не спрашиваю себя, как Шаталов узнал или почувствовал мое присутствие.

Просто стою на месте и все сильнее обнимаю себя за плечи.

– Пошла!

От нового приказа уже не больно. Не знаю, зачем качаю головой. Не узнавая собственный голос, шепчу:

– Нет.

– Лучше бы ты ушла... – Марк поворачивается ко мне и смотрит в глаза.

Как дикий зверь. Слишком голодный для того, кто несколько часов утолял свой голод.

– Я не уйду, – говорю беззвучно. Одними губами.

– Зря! – Шаталов с шумом выталкивает из себя воздух и проводит ладонью по стеклу. Быстро, широко. Будто дорожку прокладывает.

Дверь все так же закрыта, но теперь я гляжу на него

без спасительной дымки. Вижу каждую морщинку на лице, потемневшие глаза, сжатые в нитку губы, широкую грудь. И плоть. Крупную, с красной головкой и толстым стволом, оплетенный голубыми венами.

Член, который сегодня наверняка побывал во рту у какой-нибудь женщины. Возможно, у нескольких. Которым Шаталов трахал их, куда хотел и как хотел. Пока одна глупая зацелованная девчонка сходила с ума в его доме.

– Не нужно было тебе приходиться, – как приговор, горько хрипит Марк и правой ладонью обхватывает ствол. – Лучше бы и дальше спала. – Он двигает рукой от основания к головке и крупно вздрагивает, не сводя взгляда с моего лица.

– Лучше... – Вместе с его дрожью все мои рецепторы, все нервные окончания выгорают, как лампочки от перепада в сети.

Внизу живота тянет. Мучительное удовольствие теплом разливается в развилке ног. А соски становятся такими чувствительными, что хочется хныкать от прикосновения к хлопковой ткани, бить кулаками в стекло и умолять о новой порции обезболивающего... Начхав на гордость, на других, которые сегодня уже лечились у этого доктора, на сотни тех, что будут после.

Мне больно без единого прикосновения. Жарко так, словно между нами нет никакой преграды и тела уже давно стали одним целым.

Дикая, животная потребность почувствовать Марка внут-

ри заставляет лоно сжиматься. А взгляд на мужскую ладонь, ласкающую член, рвет нутро на части.

Однако Шаталов уже научился читать мои мысли.

– Я не буду трахать тебя, девочка, – ускоряясь, произносит он. – Не нужно тебе это. – Вскидывает голову вверх.

И от вида белесых капель, волнами выплескивающихся на стекло, внизу моего живота начинает пульсировать.

Сладко и мучительно.

Остро и горячо.

Невозможно и настолько реально, что, захлебываясь от эмоций, я скольжу по стеклу на пол. И, как утопающая, жадно хватаю ртом воздух.

Глава 12. Оголенные нервы

Мы не чужаки, а провода под током.

Не представляю, как бы я добралась до кровати. Впрочем, хотя бы в этом Шаталов решает помочь. Выйдя из стеклянного укрытия, он накидывает на свое мокрое тело халат. Осторожно подхватывает меня на руки и несет на первый этаж, в гостевую комнату.

К моему облегчению, молча. Без вопросов или новых приказов.

В комнате тоже не задерживается. Устроив на кровати, как маленького, беспомощного ребенка, укрывает одеялом. И уходит. Будто не было между нами несколько минут назад никакого безумия. Словно все это ничего для него не значило.

От хлопка двери в груди екает, но я хотя бы сейчас держу рот на замке. Наговорилась уже! Показала, какая смелая и отчаянная.

Между ног от этой смелости до сих пор тянет, а в венах гудит такой коктейль гормонов, что впору просить у Марка снотворное. Желательно такое же сильное, как его бронебойные обезболивающие таблетки.

Будь я чуть безумнее, возможно, и попросила бы. Однако выжившие после нереального бесконтактного оргазма из-

вилины единогласно голосуют против Шаталова и требуют включить, наконец, «умную, рассудительную Лизу».

На этом, наверное, нужно закончить с подвигами и смириться. Очнуться от дурацкого наваждения. Уяснить, что журавль с неба – не самая удобная для домашнего разведения птица. К тому же мне не хватает фантазии, чтобы представить, какая бы из нас получилась пара. А уж какво это, делить своего мужчину с другими – больно и думать.

Но отрубаясь я только в три ночи. Вымотанная и с такой тяжелой головой, что заранее хочется посочувствовать себе утренней.

* * *

Будто мало мне недосыпа, понедельник начинается не с кофе. Вместо курьера с горячими круассанами к Шаталову приезжает какая-то женщина. Лет двадцати восьми, в дорогом костюме без блузки и с макияжем, как после элитного салона красоты.

Это точно не недавняя брюнетка. Кто-то новый. Более яркий. Но не успеваю я поздороваться, Шаталов уводит ее в рабочий кабинет и наглухо закрывает за собой дверь. Как перед надоедливой собачонкой.

Если бы до занятий был час или меньше, плюнула бы и начала искать себе транспорт. Однако до первой пары аж два часа.

От безделья снова перебираю листы конспекта, наизусть заучиваю некоторые формулировки. Когда учеба становится поперек горла, начинаю экспериментировать с хозяйской кофеваркой и пытаюсь услышать хоть что-то из-за двери кабинета.

Второе получается с трудом: со звукоизоляцией в кабинете полный порядок. Сквозь толстые стены доносится лишь едва слышное «Марк» и «не надо». А вот с кофеваркой я нахожу общий язык почти с первого раза.

К сожалению, когда распахивается дверь кабинета, все старания остаются незамеченными. Шаталов игнорирует дымящуюся чашку его любимой черной отравы. Мои кивки и прямое «Ваш кофе» пролетают мимо. Слезы на глазах незнакомки и ее злой взгляд на меня вынуждают закрыть рот и больше не пытаться изображать из себя уютную домашнюю фею.

К поездке в университет окончательно прихожу в себя. Аура Шаталова больше не давит. Эротическая сцена в тренажерном зале вычеркнута из памяти.

– Я связалась еще с одной подругой. У нее близкие родственники на месяц улетели в Турцию, и квартира временно свободна. Сегодня же смогу перевезти туда вещи и больше не буду обременять вас своим присутствием, – произношу, когда Марк паркует бэжу на месте с табличкой «Ректор». Даже не вру.

– Не помню, чтобы разрешал тебе переезжать.

Не позволяя мне прикоснуться к ремню безопасности, Шаталов отстегивает его сам. Чуть медленнее, чем обычно. И подает рюкзак.

– А я не помню, чтобы соглашалась на ограничение свободы. – Вскинув подбородок, гордо смотрю в лицо своему охраннику.

В голове черти танцуют ламбаду. За ребрами изо всех сил лупит по барабанам какой-то бешеный ударник.

– Не советую играть в эти игры.

Марк вроде бы не злится. Ни желваков на скулах, ни сжатых губ. Но меня все же вминает спиной в сиденье, как от взрывной волны.

– Что вы?! Наоборот, не хочу мешать играть в ваши игры. – Несмотря на волнение, последние два слова удается произнести громче, выделить.

– После занятий жду на этом месте. – Перегнувшись через меня, Шаталов распахивает дверцу и взглядом указывает на улицу.

– Свои вещи я могу забрать и позже. – Выпрыгиваю из машины как ужаленная. – Запас белья у меня с собой. Остальное постираю.

Возможно, не стоило признаваться, что прихватила с собой одежду. С тараканами Шаталова за такое можно загреть в багажник или попроситься на новый сеанс порки. Только после случившегося в тренажерном зале я почему-то верю, что он не тронет. Не прикоснется, даже если пошлю

его в пеший поход по интимным местам. Или отправлю к сегодняшней дамочке.

Ума не приложу, откуда такая уверенность. Однако угадываю.

– Я сказал, на этом месте! – ледяными сосульками летит в мою сторону. Но сам Шаталов даже не поворачивается.

Его руки возвращаются на руль. В профиль еще сильнее видны проступившие тени под глазами. Такие же, как у меня сегодня. А когда машина срывается с места, я не могу избавиться от навязчивой идеи, что Марк смотрит в зеркало заднего вида.

Внимательно, зло. Будто прямо сейчас готов убить или... сделать что-то гораздо хуже.

Глава 13. Проверка на прочность

Порой «хочу» – это не четыре буквы, а целая катастрофа.

До конца последней пары чувствую себя как на вулкане. Словно могла забыть, несколько раз проверяю пакет с запасным бельем и бумажку, на которой записала адрес квартиры. Внимательно изучаю карту, чтобы знать, как добраться до места.

С жильем мне, можно сказать, повезло. Стоило заикнуться в чате общежития, что ищу место, как бывшая подружка Вити, Катажина, тут же предложила квартиру родителей. В качестве платы от меня требуются сущие мелочи: кормить рыбок, поливать цветы и присматривать за стареньким корги.

В сравнении с моим нынешним соседом такая компания кажется просто даром небес. Ну куда безобидному корги до бульдога Шаталова? Куда рыбкам и фикусам до той атмосферы, которая царила в тренажерном зале или даже на кухне загородного дома?

Небо и земля!

Осталось всего ничего – дожждаться окончания пар, выскользнуть через пожарный выход на улицу и добраться до остановки. Желательно быстро! Так, чтобы один хмурый

тюремщик не успел догадаться, что его кинули.

На мою удачу, несмотря на утреннее предупреждение о переезде, Шаталов приезжает как раз к окончанию занятий и ждет в машине, будто не сомневается, что приду.

До этого я не сильно верила в свой побег. Не с моим везением! Но сейчас мысленно целую упрямого цербера в твердокаменный лоб и длинными коридорами несусь в обход, к свободе.

На адреналине ноги не чувствуют пола. Почти парю над плиткой. А когда удастся запрыгнуть в нужный автобус, чуть не приплясываю от счастья.

В нормальное состояние прихожу, только когда нахожу над электрическим щитком припрятанные для меня ключи и открываю дверь квартиры.

В ноги тут же тычется любопытный холодный нос. Под потолком вспыхивает лампочка. И в этот же момент тяжелой лопатой на голову опускается осознание... и того, что наделала, и последствий, которые наверняка придется расхлебывать, и непривычного одиночества.

С одиночеством все странно. Мы вроде бы уже давно сроднились. Оно было в родительском доме и в общежитии. А тут... после трех дней под одной крышей с Шаталовым, снова превратилось в незнакомую эмоцию, с которой нужно как-то смириться.

Ума не приложу, как бы справлялась, будь совсем одна. Но вначале отвлекает корги. Короткая прогулка с этим ры-

жим добродушным чудом быстро превращается в познавательный тур по кустам. Потом под зорким собачьим взором я поливаю с дюжину разнокалиберных фикусов.

А к девяти, с кормом для пса и рыбок, на несколько минут заезжает Катажина.

– Спасибо тебе, что выручила! – Она обнимает меня. – Я обещала родителям за всем присмотреть. Но тут семейство парня тоже решило рвануть на море. А там комплект еще больше: собака, цветы, плюс кот. Хоть разорвись!

Почесав корги за ухом, она проходит в квартиру и начинает рассказывать, кого чем кормить, как часто менять воду и где здесь поблизости большие магазины.

– Тебе понравится! Мама с папой очень любят свой район, – заканчивает Катажина.

Будто подтверждая, пес начинает активно вилять хвостом и подмигивать мне левым глазом. Ну совсем не Шаталов!

– Еще... – Катажина оглядывается в сторону окна, – недалеко есть хороший кинотеатр. Когда мы с Витей встречались, очень любили туда ходить. А потом оставались ночевать у родителей.

Она так открыто рассказывает о нашем общем прошлом парне, что хочется рассмеяться. С ее слов Витя выглядит настоящей эстафетной палочкой, а не мужчиной. Его даже ревновать не получается. Я вроде бы легко могу представить их вместе. В кровати, без одежды. А внутри от этой картинки штиль. Ничего не царапает.

– Единственное, – мнется Катажина, – прошу не приводить сюда гостей. У мамы сумасшедшее чутье на чужаков в доме. Она спустя месяц может почувствовать парня. Не представляю, как буду оправдываться.

– По этому поводу точно можешь не переживать. Парней у меня нет и в ближайшее время, похоже, не предвидится, – отмахиваюсь я, а сама беру телефон.

Тот весь день молчал, не подавая признаков жизни, и именно сейчас решил порадовать сообщением.

– О! Тогда замечательно! – Катажина так радуется моей провальной личной жизни, будто это настоящее счастье.

Так и подмывает пожелать ей той же удачи, но текст сообщения заставляет проглотить все слова.

«Лизка, тебе капец! Вся общага на ушах. Не знаю, во что ты снова вляпалась. Мужик, который приходил по твою душу, чуть не разнес тут все к хренам!» – пришло от абонента «Витя».

Что за мужик, понятно без дополнительных вопросов. Витя не очень-то боялся бандитов и мента, явившихся за мной несколько дней назад. Но в этом сообщении читается откровенная паника. Друг напуган. Сильно! А так качественно пугать умеет лишь один человек.

«Ты же не сказал ему о моем сегодняшнем вопросе в чате?» – быстро набираю я, заметив встревоженный взгляд Катажины.

«Лучше сдайся сама!» – вместо нормального ответа при-

ходит от Вити.

«Ты слил меня?!»

Теперь я тоже чувствую тревогу. Она грубой веревкой сжимает шею и холодом окатывает тело с ног до головы.

«Лизка, я никому ничего не сказал. Не представляешь, чего это стоило. Только, думаю...»

После «думаю» в сообщении еще три строчки, однако не хватает пары секунд, чтобы дочитать.

С площадки доносится какой-то странный звук, и дверь квартиры с громким стуком распахивается настежь.

– Черт, я же закрывала! – в панике кричит Катажина и начинает суетливо набирать что-то на своем телефоне.

Скорее всего, вызывает полицию.

В шоке я тоже ругаюсь. Но вспоминаю не черта, а всех жителей преисподней, о которых когда-либо читала, и одного знакомого цербера.

Имена мешаются с проклятиями. Визг переходит на хрип. И словно это какое-то заклинание, через несколько мгновений тот самый цербер широким шагом входит в гостиную.

Красивый как утром. Все в том же шикарном костюме, в белой рубашке, расстегнутой на две пуговицы. И с таким адским напалмом в глазах, что внутренности сжимаются в плотный ком и падают вниз, к развилке ног.

– Ох, ё... – Телефон падает из рук Катажины, а сама она заваливается на диван.

Довольно грациозно, нужно признаться. Оттопырив зад

и выпятив грудь так, что вместо скромной двойки в декольте можно разглядеть вполне приличную белоснежную тройку.

На миг даже залипаю. Не на Шаталове! На груди своей несостоявшейся наймодательницы. Но, к несчастью, никто не дает мне и минуту погоревать над несправедливостью природы и моей скромной единицей.

– Я где сказал ждать?! – гремит Шаталов. И, словно я горжетка, а не человек, закидывает мою вялую тушку к себе на плечо.

Глава 14. Вдребезги

Злость – это бензин для страсти.

Злость сменяется растерянностью, как только Марк кидает меня на сиденье своей машины. Вспыхиваю как спичка. Не беспокоит, что нас увидят и услышат. До барабана всякие «что подумают» и «это неприлично».

Руки так и чешутся добраться до этого нахала и вклеить пощечину. Аж потряхивает, будто кто-то набросил на тело оголенный провод. Но сжатые зубы Шаталова и его броневой покерфейс заставляют придержать коней до места высадки.

«Ты не истеричка! Не смей!» – провожу сеанс самовнушения. И пока бэха, не замечая светофоров, летит по Питеру, мысленно готовлюсь к предстоящему бою.

Коплю ярость.

Подбираю слова.

Усердно точу вымышленный скальпель.

Как уже скоро выясняется, в «аккумулятор на подзарядке» всю дорогу играла не одна я. Только мы паркуемся во дворе дома, у Шаталова вырывается первый злобный рык.

– Оторвала задницу от сиденья. И вперед, в комнату!

– Нет! Ноги моей в вашем доме не будет! Я уже сказала, что в состоянии сама обеспечить себе защиту!

– Если прямо сейчас не поднимешься, пеняй на себя! – На скулах Марка начинают играть желваки, а из ушей, кажется, вот-вот повалит пар.

– Я не ваша рабыня. Хотите приказывать, собаку заведите! – рывкаю в ответ и все же толкаю дверь, эвакуируя свой зад из машины.

– Я уже тебя завел! Так весело, что придушить хочется! – летит мне в спину в том же зверином тоне.

На этом надо бы остановиться. Ставки и так взлетели до небес. Однако вся накопленная злость волной рвется наружу.

Не дойдя пару метров до двери, резко разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов:

– А я вас развлекать и не обязана! За развлечениями к дамочкам своим валите!

– Куда моим дамочкам до тебя?!

Шаталов и до поездки не тянул на доброго парня. А сейчас вообще... без грима и кастинга прошел бы на роль огнедышащего дракона.

– Не справляются? Скучные настолько, что приходится самому ублажать себя в душе? – Пячусь к двери, но подбородок держу высоко. Так, чтобы у гада и мысли не возникло, что боюсь. Хрен ему, а не моя слабость!

– Язва! – Остановившись на середине пути, Марк вскидывает голову вверх и делает глубокий вдох. – Какая же ты язва!

Он в несколько шагов сокращает расстояние до двери. И своим телом, как тараном, вносит меня в дом.

– Вы, я смотрю, тоже не ангел.

Нужно драться! Выместить наконец всю ярость и обиду. Порадовать ладони пощечиной, а колено – ударом по самому ценному. Заслужил ведь! Но вместо этого я впечатываюсь в торс Шаталова. Изо всех сил обхватываю его талию. И жадно вдыхаю терпкий, с примесью сигарет, кедра и чего-то еще аромат. Чистый наркотик.

– У тебя инстинкт самосохранения с детства атрофирован? Или это мне так повезло?

Мужские пальцы быстро собирают мои волосы в хвост и тянут его вниз, заставляя выгнуться. Больно и сладко.

– Трудно, да? – Облизываю пересохшие губы.

– Дико! – рычит Шаталов, не сводя взгляда с приоткрытого рта.

– Другие не удовлетворяют? – выпаливаю первую пришедшую на ум догадку. А бедрами еще сильнее вжимаюсь в его пах. Рельефный, горячий, с таким большим и твердым членом, что пальцы на ногах поджимаются.

– Девочка, ты без мозгов! В курсе?

Ладони Марка стекают со спины на попу. Он сжимает ее своими загребущими лапами. Сразу всю, будто мой зад выточен под его руки. Откалиброван под этого мужчину до последнего миллиметра. Дергающийся кадык лучше любых признаний выдает мысли и желания.

– Если скажу, что уже не девственница, ты это как-нибудь переживешь?

Я замираю, ожидая реакции. Даже дыхание перехватывает. Чувствую себя сапером, который пытается обезвредить свою первую в жизни бомбу. И мгновение спустя чуть не подпрыгиваю от черного взрыва в глазах напротив.

– Я тебе не мальчик и не добрый сокурсник из общаги. Переживай лучше за себя!

Ума не приложу, откуда Шаталов все знает, но от этого предупреждения по телу разбегаются мурашки и кожа под железными пальцами начинает гореть огнем.

– А ты только угрожать будешь? – Словно заносу ногу над пропастью. Страшно. От собственной смелости голова идет кругом.

Когда я успела стать такой безбашенной? Почему именно с ним?

– Как твоя менструация? – Голос Марка становится спокойным. Пальцы скользят к шву на моих тонких домашних брюках.

– Последний день, – хриплю, уже почти ничего не сообщая.

– Я что-нибудь придумаю, – звучит сухо, будто приговор. Но возмутиться не успеваю. Шаталов подкидывает меня выше и, заставив обвить ногами его талию, несет в сторону коридора.

Глава 15. Присвоенный

Когда двое без тормозов, кто-нибудь обязательно расшибется.

Стены дома проносятся мимо меня. Коридор, гостиная, лестница... Ничего не замечаю. Ни о чем не думаю.

Все, что могу – чувствовать, и от чувств крыша с треском летит в пропасть, а тело превращается в один сплошной приемник эротических сигналов.

Все это и близко не напоминает мои опыты с Витей. Меркнут даже непристойные сны, в которых я наблюдала за сексом Шаталова и другой женщины. От него, живого и реального, я плаваю в считанные секунды, а когда Марк вносит меня в душевую кабину и ставит лицом к стене – готова хныкать от нетерпения и умолять, чтобы поскорее начал.

– Постарайся не орать слишком громко. – Он одним резким движением стаскивает мои брюки вместе с бельем и, заставив переступить через одежду, выбрасывает ее вглубь тренажерного зала. – Не хочу отвлекаться на поиски кляпа.

Следом за брюками приходит черед топа и бюстгалтера. Их Марк сдирает так же быстро и ловко. Будто годами тренировался раздевать женщин на время.

– Значит, у тебя и кляп есть? – Меня трясет, но губы расплываются в счастливой улыбке.

Ничего не могу с собой поделаться. Какой-то психический диагноз. Редкая разновидность помешательства.

– Да, пожалуй, со рта и начнем! – Шаталов снова разворачивает меня к себе и уверенно давит на плечи, вынуждая опуститься на колени.

– Хочешь, чтобы я взяла у тебя в рот? – Смотрю на него, все еще одетого, и сама себе не верю.

Не бывает такого! Не в моей скучной жизни!

– Кажется, это единственный способ заставить тебя заткнуться.

Марк вытаскивает из петель ремень... полностью, словно тот еще может ему пригодиться. Расстегивает ширинку. И с глухим стоном спускает вниз резинку боксеров.

Все это время я, как замороженная, наблюдаю за его пальцами, боясь глянуть ниже. Не девственница, а смущаюсь сильнее, чем в первый раз.

Сердце заходится в груди, как перепуганная птица. Отчаянно бьется о ребра. Но стоит Шаталову обхватить рукой мой подбородок, мазнуть большим пальцем по губам, тут же забываю обо всех страхах.

– Делала уже это? – Раздвигая пальцами губы, Марк внимательно смотрит мне в глаза. Словно считывает по радужке все, что умею и на что способна.

– Пробовала... пару раз. – Даже сейчас не могу солгать. Хочется выглядеть опытной, хоть немного похожей на привычных ему женщин, только правда сама рвется наружу.

– Пару... – Правый уголок мужских губ на миг тянется вверх.

Пальцы начинают гладить мои щеки и подбородок. Медленно. Настойчиво. Вдавливая подушечки в кожу, массируют шею. Снимают напряжение и расслабляют все мышцы.

– Давай, девочка, покажи, чему научилась за пару раз.

Сжав член у основания, Шаталов проходится бархатной головкой по моим губам. Но, к удивлению, больше ничего не приказывает.

Лишь тяжело дышит, смотрит и ждет. Как хищник перед нападением.

– Я... – Слюны становится так много, что приходится сглатывать. – Да...

Закрыв глаза, осторожно насаживаюсь губами на член. Втягиваю остатки воздуха, чтобы обхватить головку как можно плотнее. Но уже в следующую секунду Марк берет меня за волосы и двигает бедрами назад.

– Хреново тебя учили! – рычит, едва сдерживаясь. – Расслабься и бери глубже!

Он вновь приставляет член к губам. На этот раз не ждет, что я сама его обхватчу. Толкается в рот до самого горла. До соленых брызг из глаз. До хрипа. И вздрагивает всем телом, как от разряда в двести двадцать.

От этой его дрожи меня тоже уносит. Не могу сделать ни одного вдоха. На глазах пелена слез. Рвотный рефлекс заставляет желудок подступить к глотке. А все равно хочет-

ся еще.

В душе просыпается что-то дикое. Жадное. Едва-едва почувствовавшее свою силу.

– Подними голову выше. – Правая ладонь Шаталова снова ложится на мою шею, и сам он нависает надо мной, упершись в стену. – Бери так глубоко, как сможешь.

Марк вынимает испачканный слюной член. И спустя секунду, широко размазав влагу по губам, толкается внутрь. Не так глубоко, как в прошлый раз. Позволяя сделать жадный вдох и заглушить рефлекс.

Входит до середины ствола. До упора. И задерживается. Так долго, что слезы текут ручьями, горло горит, а внизу живота закручивается спираль. Болезненная, горячая, требовательная.

– Умница. – Шаталов наматывает длинные пряди на кулак. И начинает двигаться. – Сосать не обязательно. – То ускоряется, то трахает медленнее. – Он не леденец. – Проталкивается к горлу. – Просто дыши носом и бери глубже.

Теперь Марк уже не делает остановок. Мне приходится самой подстраиваться под его темп. Контролировать дыхание. Смахивать слезы. Скользить губами по толстой, увитой венами плоти.

И гладить себя внизу, чтобы хоть немного успокоить ноющее тело... не думая, насколько пошло это выглядит со стороны. Не считая ни секунд, ни минут. Шизея от прикосновения твердых пальцев к затылку и похожих на рычание сто-

нов Шаталова.

В какой-то момент Марк не выдерживает.

– Пздц полный! Отстранившись, он резко поднимает меня с пола.

– Я... Я не справилась?

Только сейчас понимаю, что замерзла. Руки дрожат. Ноги не слушаются. Кое-как вытираю ладонью губы и прячу грудь.

На душе мешанина, но мой учитель слишком занят, чтобы что-то объяснять.

Открыв на полную мощность кран с теплой водой, он быстро снимает с себя одежду. На секунду высунувшись из кабинки, берет что-то с ближайшей полки. И голый, с упаковкой презервативов в руках возвращается ко мне.

– Постарайся и сейчас быть послушной девочкой.

Марк зубами разрывает фольгу. И, пожирая меня взглядом, раскатывает латекс по члену.

– Не уверена, что смогу.

Дыхание становится все быстрее. Пульс шкалит. А от вида совершенного мужского тела в животе взлетает целый рой бабочек.

– Отшлепаю! – Шаталов за руку притягивает к себе.

– А если мне понравится?

Вода тугими струями хлещет по плечам и спине. Ручьями стекает по телу. Но чувствую я лишь мужские руки, подхватывающие под зад.

– Ненормальная! – Марк, как с горки, спускает меня

по своему мускулистому торсу вниз... на каменный член. – Чокнутая! – Раздвигает широкой головкой нежные складки.

Дико хочется ответить, что он такой же. Но член заполняет так резко и так глубоко, что я выгибаюсь в крепких объятиях, забыв и как дышать, и как кричать.

Глава 16. А поутру они...

Добрый мужчина – это мужчина с полным желудком и пустыми яйцами.

Солнце бьет по глазам. Оно так и намекает, что скоро начало занятий. Но даже под страхом отработки я не могу оторвать голову от подушки. Ее словно примагнитило. Как и плечи, спину, попу, ноги... весь комплект.

Конечности вообще не шевелятся. Если бы не тянущая боль, решила бы, что с ними что-то не так. Но боль успокаивает. Всё отлично! Потрясающе! Так замечательно, как не было никогда раньше.

– Завтрак на столе. У тебя пять минут на подъем. Не успеешь позавтракать, сдам в институт голодной! – Главная причина моей слабости опирается крепким плечом о косяк и, сложив руки на груди, наблюдает за воскрешением.

Марк красивый, несмотря на то что всю ночь учил меня постельным премудростям и заставлял орать от кайфа. Стильный – в сером костюме и очередной белоснежной рубашке.

Так и хочется запустить в него чем-нибудь увесистым. Только шевелиться все еще трудно.

– Я уже говорила. Заведи собаку! – Бесформенным кулем перекатываюсь на другой бок, спиной к Мистеру грозному

и сексуальному. Чтобы не выдать себя улыбкой, прячу лицо в подушку.

– Договорились. Если прямо сейчас не встанешь, выдеру в собачьей позе. – Судя по звуку, он находится на том же месте.

– Шаталов, кажется, ты меня и так уже... – Кусаю губы. – Затрахал.

– В следующий раз вместо «еще» кричи «хватит». А сейчас быстро за стол!

– Мне понравился твой намек на следующий раз. – Улыбка становится шире.

Не представляла, что словосочетание «следующий раз» из уст мужчины может звучать так приятно. Кажется, теперь это мои любимые слова!

– М-да... Похоже, с головой дела все хуже и хуже.

Я не вижу Марка, но чувствую, как матрас прогибается под весом его тела. А спустя мгновение меня насильно переворачивают на спину. Как беспомощную черепашку.

– К твоему сведению, у меня был самый высокий проходной балл на потоке. А по уровню интеллекта я опережала всех одноклассников. Мы дважды делали тесты. – Показываю язык.

– Хм... И куда же это все подевалось? – Шаталов убирает волосы с моего лба и заправляет непослушные пряди за уши.

– Сделай, как было. – Морщу нос и тут же начинаю елозить гривой по подушке, чтобы вернуть прежнюю лохматость.

тость и хоть немного скрыть непохожесть.

– Мне так больше нравится. – Он нахально фиксирует голову и повторяет свой трюк с волосами.

– Ты извращенец. Я так на Чебурашку похожа. – Всхлипываю. – Или на эльфа, – выдаю вторую, более красивую версию.

– Никогда раньше не трахал эльфов. Настоящая экзотика. – Гад даже не улыбается. Серьезный, словно не об ушах говорит, а о строении вселенной.

– Женщин с такой маленькой грудью ты, наверное, тоже еще не трахал? – В порыве отчаяния дергаю одеяло вниз.

Если уж обсуждать мои слабые места, то все сразу. Не люблю растягивать мучения.

– Это комплексы? – Шаталов смотрит на меня как на ненормальную.

За несколько дней можно было привыкнуть, но спасительный пофигизм не включается.

– Ну... – Вместо того чтобы кивнуть или сказать честное «да», прячу грудь за руками. Ненадолго меняхватило. – Как бы... Не без оснований.

– О груди... кхм, это сказал кто-то? Или своим «проходным баллом» надумала? – Он склоняет голову набок.

– Мне зеркало подсказало. – Заливаюсь краской.

И пока этот умник не просек, до чего довели его вопросы, отползаю на край кровати. Подальше!

– Какие-то левые тесты ты делала.

Не успеваю я сбежать, Марк хватает за лодыжку и тянет на себя. Сильный и упрямый, как бульдозер.

Никакие попытки спастись не помогают. Второй ногой изо всех сил стараюсь отбиться от этого монстра. Цепляюсь за простыню. Но вместо свободы оказываюсь на мужских коленях. Почти наездница. Только, в отличие от ночных опытов, мой конь в броне. И она не из латекса.

– Ты что-то говорил про пять минут на сборы... – Отворачиваюсь к окну.

– Голодная поедешь. – Правая рука Шаталова ложится на мою левую грудь. – Не умрешь.

Марк раздвигает пальцы и зажимает между ними острый сосок. Несильно. До легкой боли.

– Какой-то ты неправильный маммолог. – С голосом беда. Он хрипнет от первого же прикосновения.

С телом тоже что-то странное. Боль стекает горячей волной от груди к развилке ног. И там тут же начинает гореть и ныть. Будто не стонала всю ночь от удовольствия. Словно не сходила с ума, когда Марк трахал меня в душевой кабинке, потом на диване в гостиной и под конец – в своей спальне. Долго, бешено, пока я не отключилась от очередного оргазма до самого утра.

– Вспыхиваешь как спичка. – Мой мучитель наклоняется и влажным языком облизывает истерзанный сосок.

– Даже если ты ее всю оближешь, больше не вырастет. – Двигаю бедрами вперед, вжимаясь нежной плотью в грубую

ширинку брюк. Извращение, но так становится легче.

– Она ох*енная.

Шаталов ласкал меня ночью. Не так часто, как вагину своим толстым членом. Однако то, что он делает сейчас, не похоже на ночные уроки.

Дико хочется съязвить, что зализывает рану. Ляпнуть еще какую-нибудь спасительную ерунду. Но в помощь языку подключаются губы, и мгновенно становится не до шуток.

С тихим шипением я выгибаюсь в сильных руках. Будто специально, подставляюсь под умелый рот. И ловлю чувствительной вершинкой горячее дыхание и ритмичные удары языка.

Марк бьет меня им, словно трахает. Увлажняя слюной, раз за разом таранит нежную ареолу и сосок. Обхватывает губами. Такой же жесткий, как и в сексе.

Это больше, чем я могу вынести. Ярче, чем все его прежние ласки.

Не получается ни молчать, ни держаться. Стоны сами рвутся из груди. Чередуются с громкими всхлипами. А когда Шаталов сжимает пальцами второй сосок, я, забыв обо всем, начинаю тереться о его ширинку.

– Да... – стону, пачкая влагой дорогой костюм. – Марк... – как одержимая, шепчу его имя и тяну собачку молнии вниз.

– Все еще считаешь, что грудь должна быть больше?

Не успеваю я освободить член, как Шаталов сбрасывает меня на матрас и нависает сверху.

– Нет. Ты умеешь находить доводы. – Развожу ноги так широко, как только могу. Приглашаю его в себя самым откровенным образом.

– Обучаемая, – одобрительно хмыкает этот мерзавец. И как сахарок за исполнительность, протягивает квадратик презерватива.

Глава 17. Тест на доверие

*Отношения без доверия как прогулка по канату.
Без шеста. И над пропастью.*

В университет я выезжаю голодная и счастливая.

Намекая, что бабочками не наешься, желудок урчит от элитного поселка Шаталова до середины пути. Не спасают никакие дыхательные практики или клятвы поесть на первой же перемене. Не помогает найденная в бардачке минералка.

Подозреваю, к началу пары всех ждало бы настоящее шоу чревоущания. Но, вместо того чтобы избавиться от меня и скорее поехать по своим делам, Марк сворачивает в сторону ближайшей закусочной. И, несмотря на очередь, всего через минуту возвращается с горячим бургером и большим стаканчиком капучино.

– Теперь и не знаю, что мне нравится в тебе больше: секс или умение добывать еду.

Изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не расцеловать этого невозможного мужчину. И тут же жадно вгрызаюсь в аппетитный бургер с говяжьей котлетой.

– Постарайся не испачкать мне машину. – Даже после подвига Шаталов остается верен себе.

– Я буду очень стараться... – произношу с набитым ртом,

ни капли не смущаясь своего вида. – Только это так вкусно, что можно умереть. – Закатываю глаза после первого же глотка кофе.

– Умирать тоже не стоит. – Этот сноб, не скрывая ухмылки, косится в мою сторону. И машина резко срывается с места.

– А сам? – спохватываюсь я, вспомнив, что Марк тоже не завтракал.

Подношу бургер к его губам. Ума не приложу, как можно устоять и не откусить хотя бы кусочек. От аромата котлеты во рту целое озеро слюны. Но Шаталов словно и не замечает. Взгляд направлен на дорогу. Одна рука на руле. Другая сжимает телефон.

– Такая мещанская еда недостаточно хороша для твоего желудка? – Делаю щедрый глоток кофе и возвращаюсь к бургеру.

Нет ни одного повода для расстройства, однако за грудной что-то царапает, колет.

– Я не большой фанат экспериментов со здоровьем, – примирительно произносит этот гурман.

– Ты так говоришь, словно тебе семьдесят! – Я закашливаюсь от смеха. Чудом не проливаю кофе на кожаное сиденье.

– В семьдесят уже поздновато начинать заботиться о себе.

– А в твои... двадцать семь – двадцать восемь уже пора? – Навскидку определяю возраст.

Самой дико. Мы умудрились оказаться в одной постели. Я испытала свои самые яркие оргазмы, а о Шаталове знала лишь, что он любит групповой секс и по три раза в день способен заправляться горьким, как отрава, эспрессо.

– В тридцать, – поправляет Его сиятельство.

– Приличный возраст.

Мой взгляд скользит по квадратному подбородку с брутальной короткой щетиной. По прямому носу с едва заметной горбинкой. По губам, не пухлым и не узким. Правильной мужской формы – с ровными линиями, будто этого самца создавали не мама с папой, а резчик по дереву. По глазам...

Никогда бы не подумала, что глаза могут старить человека. Но Марка старят. Я соврала про двадцать восемь. Узкие лучики-морщинки в уголках и строгий взгляд так и намекают, что ему за тридцать. Скорее, тридцать пять или даже сорок. Вожак прайда в шкуре молодого льва.

– И давно ты стал беспокоиться о своем здоровье?

До этого момента и не задумывалась, кто на самом деле мой охранник. Бегала то от него, то к нему. А теперь дико интересно.

– С тех пор, как одна юная особа принялась проверять мою нервную систему на прочность.

– То есть до нашей встречи ты ел бургеры и пил дешевый кофе из стаканчиков?

От напряжения не замечаю, как бэха сворачивает на парковку университета и подъезжает к ректорскому месту.

– Еще я пробовал много чего другого.

Этот гад не может ответить прямо на самый простой вопрос. Непробываемый, будто не было между нами ничего. Приснилось все!

– Почему во всех твоих ответах слышатся намеки на секс? – Я быстро заедаю обиду бургером. Сверху шлифую кофе.

Умереть от оргазма, конечно, было бы красивее, чем подавиться. Только сейчас плевать.

– Ты слишком много о нем думаешь.

Шаталову уже пора открыть мою дверцу и произнести свое стандартное «После занятий жду на этом месте», но он все сидит. Даже ремень безопасности не отстегивает.

– А что еще я не так делаю? – Всю дорогу чувствовала, как Марк со мной играет. И сейчас остро ощущаю, что попала в суперигру. Вышла в финал.

– Узнаем вечером. Сегодня ночуешь без меня, – звучит холодно. Ни одной эмоции или намек на них.

– Это такая шутка? – Я сама избавляюсь от долбаного ремня и хватаюсь за ручку. Для побега достаточно толкнуть дверь. Никто не остановит.

Но, в отличие от прошлого раза, держусь. Обучаемая до тошноты... до мелкой дрожи, которая охватывает пальцы.

– Я уже договорился с Глебовым. Следователь по делу Рогова. Он заберет тебя после занятий и отвезет домой.

– К себе домой? Я теперь переходящее знамя? – завожусь

с пол-оборота как последняя дура.

Самой от себя противно. Разбег от романтической зайки до дерганой психички – одна секунда. И пропасть вместо тормозного пути.

– Ко мне. – Марк достает из кармана ключи и протягивает их в раскрытой ладони. Словно предоставляет выбор: взять или нет.

Широкий жест для этого деспота. Жаль, не могу оценить. Адекватность покинула мой мозг. А то, что осталось, способно лишь на позорную истерику.

– Он отвезет тебя ко мне! В мой дом! – повторяет Шаталов как для глухой. С ударением. – Потом проверит, чтобы ты закрылась, и свалит к чертовой матери.

– А ты...

Знаю, что не имею права спрашивать. Всего два дня назад Марк после нашего поцелуя спокойно уехал трахаться с другими. Вряд ли секс что-то изменил. Но становится так больно, что просто не могу молчать.

– Поверишь, если скажу, что дела? – Так и не дождавшись реакции, Шаталов сам берет мою руку и кладет в нее ключи.

– И у них нет никакого женского имени? – Тормоза отказывают окончательно.

– Только дела.

В глазах напротив вспыхивает что-то незнакомое. Не похожее на разочарование или злость. Не похожее на досаду. Для меня оно пока слишком сложное. С целым набором от-

тенков.

Но внутренние демоны от этого взгляда стихают. Словно увидели что-то свое, они заставляют забрать ключи. Положить их в рюкзак. И коротко кивнуть.

– Я верю... – Не знаю, кому я это говорю и для чего.

Марку в пору покрутить пальцем у виска и вызвать карету скорой помощи для одной свихнувшейся девчонки. Но он тоже кивает. И лишь после этого открывает мне дверь.

Глава 18. Кое-что о нем

Если мужчина – сейф, открыть поможет только код или взломщик.

До самого конца занятий я гоню глупые ревнивые мысли. Запрещаю себе вспоминать картинку с брюнеткой и блондином на диване Шаталова. О нашей близости тоже не думаю.

Задача, на самом деле, со звездочкой. За эту ночь я узнала о себе столько, сколько не узнала бы с Витей и за несколько лет сексуальных экспериментов. Но, когда вижу на парковке следователя, мозг сам становится на место.

– Привет, красотка! – улыбается мне Глебов. – Марк сказал доставить тебя к нему домой.

– Здравствуйте. И часто вы подрабатываете у него таксистом?

Сегодняшний Глебов и близко не похож на свою прежнюю версию. Во время ареста Рогова он походил скорее на машину по добыче информации. Лишенную всякого сочувствия и вообще всех эмоций.

Вероятно, я должна обрадоваться, что сейчас он другой. Однако жизнь с отчимом успела научить жестокой правде, что люди не меняются.

– Только когда дело касается таких красивых девушек, – льстит Глебов так же фальшиво, как и улыбается.

– Тогда, наверное, целыми днями катаете.

Я не спрашиваю, можно ли садиться. Пока он не открыл дверцу возле водителя, сама ныряю на заднее сиденье. И как щит, устраиваю у себя на коленях рюкзак.

Шаталов, небось, умер бы со смеху, увидев, как я защищаюсь от другого мужчины. Совсем не его чокнутый смелый эльф.

– А вы уже неплохо узнали друг друга, – хмыкает Глебов и нехотя, словно я испортила все планы, садится за руль.

– Ну, вы ведь сами доверили ему мою защиту.

– Доверил. – Глебов заводит двигатель и, вместо того чтобы смотреть на дорогу, пялится на меня в зеркало заднего вида.

Хочешь не хочешь, а поверишь в теорию, что после секса с альфа-самцом другие мужчины тоже начинают заглядываться активнее.

– Еще вы дали добро использовать меня, как ему захочется.

Я не нарываюсь. Даже мысли нет злить этого человека. Проблемы с полицией – последнее, чего мне не хватает. Но внезапно вспоминаю, как удивлялась утром своей неосведомленности о Шаталове, и решаю кое-что проверить.

– Девочка, за все на свете нужно платить. А жизнь стоит того, чтобы потерпеть некоторые... неудобства.

Добродушного улыбчивого следователя как и не было. Передо мной снова тот самый человек, который допраши-

вал в ресторане, а потом уговаривал Шаталова взять до суда под опеку.

– А не слишком ли высокая цена?

– На жертву домашнего насилия ты тоже не тянешь.

– Так до суда еще сколько времени? Две недели? Три?

– Просто не зли Марка, и все будет нормально. Сохранит тебя и доставит куда надо.

От этой игры вслепую у меня уже нервы звенят. Каждый вопрос – как шаг по минному полю. К сожалению, сворачивать поздно.

– А если не сохранит? – До боли сжимаю пальцы.

Ситуация – пан или пропал. Купится Глебов или нет.

– Шаталов не сохранит? – С водительского сиденья раздается смех.

– Я и в подметки не гожусь тем женщинам, с которыми он спит. Подставляться ради секса... Марк не похож на сумасшедшего.

– По этому поводу можешь быть спокойна. Он рискует шкурой не ради твоей круглой задницы. У него совсем другая мотивация.

– Не верю. – Изю всех сил изображаю обиженную дуру с уровнем интеллекта ниже плинтуса. Для правдоподобности даже губы надуваю.

Была бы грудь, еще бы и ее выпятила... для окончательного разжижения мозга. Но Глебову хватает и такой скромной постановки.

– Именно Марк начал копать под Рогова, – со вздохом произносит следователь. – Не я, а он разворотил это осиное гнездо и организовал подставу.

– У вас был на него компромат. Я подслушала разговор возле ресторана.

– Хех... Вас там, походу, целый зрительный зал был. – Глебов вновь зыркает в зеркало заднего вида. – Шаталов как чуял...

– Так для чего ему нужен был Рогов? – Мне с трудом удастся сохранять образ дуры. Так и хочется добраться до этого любителя таинственности и поскорее вытрясти всю правду.

– Из-за Рогова умер отец Марка. Они были конкурентами. Только старший Шаталов играл по правилам, а Рогов... по правилам из девяностых. Как итог, два инсульта. Год овощем в клинике. А потом инфаркт.

– Поэтому Марк так хорошо разбирается в медицине... – говорю я себе под нос. Лишь в конце фразы понимаю, что произнесла это достаточно громко.

– Он почти каждый день к отцу ездил. Мать не выдержала. Через полгода сдалась и умотала во Францию. А Марк до последнего дня был рядом.

– Ясно...

Это не моя история. Мой отец умер иначе. И все равно слезы наворачиваются на глаза, стоит представить Марка в больнице.

– Так что не волнуйся! Шаталов костями ляжет, но со-

хранит тебя до суда в целости и сохранности. – Словно добрый друг, Глебов подмигивает мне. Улыбается левым уголком губ. – Ты ему нужна не ради удовольствий. Ставки намного выше.

Глава 19. Близко и врозь

Иногда важное видно лишь на расстоянии.

Как только Глебов оставляет меня одну в доме, закрываю все замки. Бросаю рюкзак. И иду в душевую кабинку тренажерного зала.

В доме еще три санузла. С ваннами. И с душем. Однако мне нужен именно этот. Откуда Марк однажды прогнал меня и где потом взял.

До одури важно попасть туда как можно скорее. Самой себе не могу объяснить эту странную потребность. Но когда сбрасываю одежду и встаю под лейку, внутри словно какие-то запоры срываются.

Ударяюсь спиной о кафельную стену и начинаю реветь.

Громко.

Захлебываясь.

Навзрыд.

По чужому отцу и его сыну. По году, который они пережили. По одиночеству...

Плачу сильнее, чем плакала после похорон папы.

От воя в груди на куски все рвется. Шаталова со мной нет. Я не знала его раньше. Он для меня всего лишь охранник и временный любовник. Человек, который постоянно орет, качественно трахает и кормит едой из закусочной.

Никто!

Но спасительный эгоизм не включается. Как считалочку, мысленно повторяю последние слова Глебова. Сквозь слезы шепчу: «Все ради мести. Ради дела. Я здесь временно». Но чужая боль пропитывает насквозь, как своя собственная, и заставляет сползти вниз.

На полу уже не завываю, а тихо, безмолвно отпускаю эмоции. Слезы смешиваются с водой. Прозрачными потоками текут по лицу. А я... изредка всхлипываю, вздрагиваю, зубами мучаю свои и без того искусанные губы.

Это все же какой-то сбой системы. Отклонение, с которым лучше было бы поскорее обратиться к мозгоправу.

Всю жизнь я не подпускала к себе ни одного человека. Не влюблялась и не очаровывалась. Упрямой девочке из далекого северного города некогда было играть в любовь или цепляться за других людей.

Я должна была выбираться из всего этого дерьма. Одна, без чужой поддержки. Лепить из себя врача. Доказывать равнодушной Северной столице, что достойна ее поребриков и парадных. Воплощать в жизнь мечты, с которыми рвалась из родительского дома.

Было хорошо и так. С моей учебой. С Витей. Со скромными деньгами, которые я умудрялась зарабатывать после занятий.

Идеально до Шаталова. И непривычно плохо сейчас. Хреново после нескольких дней знакомства. Больно, будто мы

не сексом занимались, а попали в аварию... Столкнулись в лобовую с сотрясением в финале.

Безумно хочется найти этим эмоциям логическое объяснение. Страшно от своей реакции. Только ничего не получается.

«Мне просто жалко того Марка, который год заботился об отце», – хватаюсь за первую версию и сразу же понимаю, что не то.

«Я не могла влюбиться в него так быстро. Кто-то другой, зависимый от секса, – да. Но не я...», – спорю с собой, пытаюсь убедить. И, как дворниками, смахиваю ресницами слезы.

– Он ведь наверняка сейчас с другими. Занимается сексом так, как привык. Не вспоминая меня, дурочку! Не думая, как я здесь! – вслух бью себя словами без пощады. Нарочно заставляю вспомнить рассказы Шаталова о его предпочтениях. Подключаю фантазию.

И смеюсь в голос, потому что плевать.

* * *

После истерики из душевой кабинки я выползаю на негнущихся ногах, с распухшим носом и губами на половину лица. Впервые становится радостно, что сегодня ночью одна, и никто не заметит этой дивной красоты.

При Шаталове, наверное, пришлось бы закрываться в своей комнате и изображать последнюю заучку.

Я булькаю сдавленным кашлем от этой мысли. Старательно закукливаюсь в махровый халат, в котором Марк выносил меня вчера из душа. Но по пути в кухню застываю у дивана как вкопанная.

– И что на этот раз произошло? – раздаётся возле двери.

Щиплю себя за руку, чтобы проверить на галлюцинации. Однако, вместо того чтобы исчезнуть, моя галлюцинация подходит ближе и берет за подбородок.

– Тебя и на вечер оставить нельзя? – Теплые пальцы, ощупывая, скользят по губам. Поднимаются к вискам и убирают со лба спасительные пряди. – Впечатляет!

– Ты говорил, что исчезнешь на сутки. – Щеки вспыхивают. Я чувствую, как заливаюсь румянцем от макушки до самой груди.

– Ты из-за этого такая красивая?

Следом за лицом Марк осматривает мои руки и шею. Сквозь халат трогает плечи и спину. Мягко прикасается к животу и бедрам. словно проверяет целостность и комплектность.

– А ты... ты из-за этого приехал раньше?

Нужно бежать от него, но не получается. Надо придумать хоть какое-то объяснение, но от радости в голове вязкая каша. Закрыв глаза, я верчусь в горячих руках. Как домашняя кошка, млею от редких прикосновений к коже.

Мы даже не в кровати, а так хорошо, что улыбка сама расползается по опухшему лицу.

– Отвечаешь вопросом на вопрос?

Ума не приложу, как Шаталов определяет, что со мной все в порядке. Облегчение на его лице настолько яркое, что не верю глазам. Мой бронированный сейф не скрывает эмоций. Впервые как на ладони.

– У меня очень хороший учитель.

Не выдержав, встаю на носочки. Еще два дня назад мне было бы страшно положить руки на его плечи. А сейчас даже не робею.

– Так что случилось?

Марка не нужно ни о чем просить. Он тут же впечатывает меня в свою грудь и подхватывает под ягодицы, задирая халат.

– Ничего... – Мотаю головой, шизея о того, как совпадают наши реакции.

Чтобы возбудиться, мне хватает пары секунд. А Марк... он уже каменный.

– Некислое такое ничего. Как с роем пчел познакомилась.

Мужские пальцы гладят сквозь белье. Чертят линии по швам, вдавливая ткань в нежные складки. Делают меня такой влажной, что сама начинаю подмахивать навстречу.

– Нет... – Глотаю стон. – С собой.

– Тогда понимаю. Забавный зверек. – Марк зубами оттягивает ворот халата, освобождая доступ к груди.

– Ты слишком много обо мне знаешь.

Хочу его безумно. Сильнее, чем в наш первый раз. Силь-

нее, чем когда смотрела, как он удовлетворяет себя в душе. Внизу живота уже ноет от напряжения. Только кое-чего другого я хочу еще больше.

– Поцелуй меня, пожалуйста. – Просить совсем несложно. Я не с Глебовым, от которого хотелось закрыться. Не с кем-то другим.

Уровень доверия – максимум. Без авансов и без гарантий.

– Думаешь, поцелуй поможет? – Взгляд Шаталова поднимается к опухшим губам. Скользит по остальной «красоте». И останавливается на глазах.

– Я, конечно, не лягушка из сказки. Но вдруг?

– Ты не из сказки. – Марк накрывает мои губы своими и заставляет раскрыться. – Ты из дурдома, – хрипло шепчет прямо в рот. – Из моего собственного.

Он толкается языком внутрь. И одновременно пальцами сдвигает в сторону промокшее белье.

Глава 20. Взрослые игры

Никто не сходит с ума сильнее, чем одиночки.

Следующие две недели проходят у меня под лозунгом: «Отосплюсь в другой жизни».

Бросаю свои подработки. Исчезаю с радаров для друзей. В редких разговорах с мамой перехожу на «Всё отлично» и «Прости, очень занята».

Никогда раньше не позволяла себе такой вольности. Наши отношения и без того слишком зыбкие. Последние полтора года они держатся исключительно на разговорах о Питере и моих редких болезнях из-за акклиматизации. А сейчас ни минуты не хочется тратить на пустое.

В учебе тоже становлюсь экономной. В университете жадно впитываю все знания, которые могут дать преподаватели. Ни на что не отвлекаюсь. Забываю о социальных сетях и не замечаю сообщений.

Каждую секунду я проживаю на полную катушку. На переменах делаю домашку и зубрю конспекты. Отмахиваюсь от предложений посидеть в кафе после пар. Игнорирую заинтересованные взгляды Кристины и других однокурсниц.

Дома тоже впитываю. И вечерами, и ночами, и выходные напролет. Изучаю как сакральную науку. Но не медицину, а саму себя и своего мужчину.

Пользуясь тем, что в доме больше никого нет, мы с Марком не вылезаем из кровати. Близость чаще всего начинается еще в машине. Я сама снимаю белье, как только оказываюсь на пассажирском сиденье бэхи. Сама бесстыдно ласкаю себя под чутким руководством Шаталова.

Этот осторожный гад никогда не прикасается. Вместо помощи он описывает, как именно хочет, чтобы я себя трогала. Командует, насколько глубоко и как медленно. Подбадривает, видя, что смущаюсь чего-то нового или сдерживаюсь. И останавливает, заметив, что захожу слишком далеко.

После оргазма рядом с ним я рассыпаюсь на кусочки. Становлюсь такой податливой и слабой, что Марку приходится нести меня в дом на руках.

Первый раз еще сопротивлялась. Клялась, что дойду. Просила дать мне несколько минут. А потом перестала бороться.

Научилась получать особое удовольствие от того, как бережно он несет... Как прижимает к своей широкой груди, словно я самое важное и хрупкое, что есть в его жизни. Как опускает в коридоре на небольшой упругий диванчик и, перевернув на живот, сразу же начинает трахать.

К такому резкому переходу не получается привыкнуть, как ни пытаюсь. Дух захватывает, когда Шаталов входит в меня быстрым толчком на всю длину. Сердце заходится, когда, выругавшись, жестко вколачивает в спинку дивана.

– Кажется, я теперь знаю, как можно заработать инфаркт

в тридцатник, – шутит Марк однажды после нашей близости.

Опустошенный, расслабленный и такой доступный, что можно целовать в щеки, в шею и трогать руками, где захочется.

– Со мной можешь не бояться. Как будущий доктор, я обязательно тебя спасу.

Уже нужно отдохнуть. Дать себе передышку хоть на несколько минут. Только каждый раз, когда вижу его таким, словно второе дыхание открывается.

Не спрашивая, можно ли, соскальзываю на пол, сама снимаю презерватив. И ощущаю, как рот заполняется слюной.

– Нет. Именно с тобой никто не спасет!

Марк крупно вздрагивает, когда я скольжу языком по чувствительной уздечке. И матерится, когда сквозь рефлекс и слезы насаживаюсь до самого горла.

– Обещаю, ты умрешь счастливым. – Жадно вдыхаю, растирая по губам солоноватую влагу.

Никогда не думала, что можно получать удовольствие от минета. В прежней жизни он был стандартным пунктом в обязательной программе. Не самым любимым. А с Шаталовым – наркотик.

– Умереть с пустыми яйцами... – Марк двигает бедрами вверх, затыкая мне рот. И хрипит, наполнив до отказа: – Мечта.

Дальше не секс, а танец. Наш фирменный. С ладонью Марка на моей голове. С моими рваными вдохами. Носом,

как он учил.

Быстро и медленно. Так глубоко, как могу, и поверхностно. Дразня и мучая. До съехавшей от этой пытки крыши. До целого водопада проклятий... с редким, глухим упоминанием «Лиза».

* * *

После таких «возвращений» ужин сметается с тарелок со скоростью света. Иногда я даже не успеваю распаковать коробки, которые приносят курьеры.

Пока Шаталов занудно расставляет посуду и подбирает правильные ножи, так и ем. Пиццу – руками из картона. Суши – из пластиковых контейнеров, лапшу – из бумажных коробок, порой вилками, порой палочками.

Кайфую от каждого кусочка. Не смущаясь, облизываю пальцы. Смеюсь в ответ на хмурый взгляд серых глаз. И всегда съедаю до крошки, будто в последний раз.

Засыпаем мы тоже вместе. Иногда – уставшие от оргазмов. На влажных простынях. И без сил. Иногда, если Марку нужно поработать, – без близости.

В такие вечера я мышью забираюсь под одеяло поближе к своему мужчине. Прижимаюсь спиной к горячему боку. И закрываю глаза, отключаясь в считанные секунды.

Рядом с Марком не пугает никакая тревога. Спокойно без долгих разговоров по душам и горьких рассказов о про-

шлом. Умом понимаю, что это иллюзия. Что до суда осталось всего ничего, а я и близко не представляю, что ждет потом. Однако встроенная система безопасности не работает.

Меня несет по течению без всяких ориентиров. Уносит от чувств. И почему-то кажется, что именно так правильно. Что только так с Марком и можно.

Теряюсь с ним каждый день все сильнее. К концу третьей недели начинаю забывать, зачем я в этом доме и как все началось. Но в субботу наше затворничество нарушает неожиданный гость.

Блондин, которого встретила в первый же день у Шаталова, появляется на пороге как раз в тот момент, когда я решаю устроить стриптиз.

– Привет, принцесса! – Он окидывает меня любопытным взглядом, пока я суетливо запахиваю на себе халат. – Этот упырь еще не всю кровь выпил?

– Ты количество ее крови приехал измерить? – Шаталов подает блондину руку.

Меньше всего они похожи сейчас на добрых друзей. Скорее соперники по спаррингу, с богатым опытом поражений и побед.

– М-да... Понял. Ты ее и выпил. И съел. – Наш гость отходит в сторону кресла и по-хозяйски падает на него, пристроив ноги на соседнем пуфе. – Вкусная, наверное... принцесса?

– За вкусным вам в кондитерскую. Тут в конце улицы есть

одна, – не удерживаюсь я.

– Вау-вау! Она и на язычок острая! – Блондин так закатывает глаза, будто перед ним чудо.

– Язва, – с кивком сухо подтверждает Марк. И почему-то с тоской смотрит на дверь.

– Сто лет таких не встречал. – Несмотря на веселый тон, гость становится серьезным. – Эксклюзив.

Он вновь пялится на меня. Только теперь не с любопытством, а с чем-то иным. Пугающим до чертиков.

– Вам не говорили, что обсуждать других в их присутствии неприлично?

Блондин не сказал ничего обидного. Наоборот, забросал комплиментами. А все равно... Чувствую, что завожусь.

– Сказочная девочка, – вместо ответа восхищается он. И пока я делаю медленный вдох, чтобы не ляпнуть чего-нибудь еще, поворачивается к Марку: – У меня от одного лишь голоса встал. Как в восемнадцать. Слушай, Шаталов, может, поделишься?

Глава 21. Мужчина с запросами

У Марса с Венерой общего больше, чем у мужчины с женщиной.

Редко теряюсь, но от такой наглости челюсть сама падает вниз.

Это он серьезно? Делиться мной? Будто я вещь?

В шоке одна часть мозга загорается праведным гневом. Требуется крови за дурацкую шутку. Или хотя бы расцарапанного лица. Другая часть сковывает тело по рукам и ногам, включая тормоз.

– Вы... – И замолкаю, пытаюсь проглотить внезапный ком в горле.

А если не шутка? Подозрение накрывает медным тазом. Марк ведь делился прежними партнершами. Для него и блондина это в порядке вещей.

Я оседаю в кресло.

Его друг мог приехать именно ради этого. По приглашению...

Чтобы никто не мог дотронуться, поджимаю ноги и скрещиваю на груди руки.

– Можем развлечься втроем, чтобы девочка успела привыкнуть. – Блондин входит в раж. – На первый раз согласен и на эти сладкие губы. Ты же научил ее правильно брать

в рот?

Будто уже получил добро, он поднимается с дивана и идет ко мне. Расстояние небольшое – пять шагов. Всего ничего, но за это время я успеваю продумать свою защиту. Даже вспоминаю пару приемов, которым научилась в общежитии. А на последнем шаге на миг задумываюсь о сдаче.

Это как ведро холодной воды на голову. Мне тошно от мысли, что кто-то чужой прикоснется к телу или заставит делать минет. Однако страх, что отказ станет концом отношений с Марком, бьет по нервам еще сильнее.

– Такая хорошенькая принцесса... – Гость расстегивает пуговицу на брюках. Болезненно кривится, когда дотрагивается до ширинки.

Он и не думает останавливаться. Судя по горящему взгляду, мысленно он уже во мне по самое горло.

«Это не так страшно, как кажется», – говорю я себе и зажимаюсь, не желая видеть того, что случится дальше. Представляю острый нож для чистки овощей, который пушу в ход, если станет совсем плохо. Вжимаюсь в спинку кресла, будто оно может защитить.

Но внезапно все заканчивается.

– Хаванский, дверь позади тебя. Рекомендую убраться прямо сейчас, пока ты в состоянии передвигаться самостоятельно, – раздается в напряженной тишине голос Марка.

– Ты серьезно?

Приоткрыв один глаз, вижу, как блондин оборачивается

и смотрит на хозяина дома.

– Я похож на шутника?

Шаталов не двигается. Он все на том же барном стуле. И вроде бы в прежней позе. Однако даже я, в другом углу комнаты, чувствую мощные волны гнева, которые расходятся от Марка во все стороны.

– Жадным стал? – Гость приподнимает левую бровь и хмыкает. – Странно. Не заболел часом?

– Я нет. А у тебя все шансы.

– Ничего себе! Ты же всегда был первым, кто делится. Самым щедрым. Скольких твоих баб я перетрахал до тебя?! – Блондин снова поворачивается ко мне и мажет взглядом по лицу. – Или принцесска слишком дикая? Так я ласково ее... Еще мурлыкать будет.

– Эта... как ты говоришь, принцесска может и скальпелем «мурлыкнуть». – Шаталов вроде бы шутит, но на лице не улыбка, а оскал.

– Не понял... Каким скальпелем? – Беззаботная маска слетает с лица гостя в мгновение ока.

– Здесь лежит. На верхней полочке. – Марк ленивым кивком указывает на шкаф. Тот самый, где стоит коробка с лекарствами. – Так и быть, я подам. А дальше она сама справится. Девочка очень способная. Видел бы ты ее конспекты по хирургии!

– Вы тут чокнулись оба?!

Скорость, с которой блондин застегивает ширинку, до-

стойна медали. Подозреваю, не каждый пожарный сумел бы одеться так быстро.

– Немножко, – с нервным смешком отвечаю я за нас двоих. И с трудом сдерживаюсь, чтобы не рвануть к Шаталову.

От облегчения меня всю ломает. Руки болят – так хочется обнять Марка. А с губами совсем беда. Кажется, если не поцелую сейчас этого собственника, сойду с ума.

– Шаталов, ты вообще понимаешь, от чего отказываешься? – Блондин трясет головой, будто не веря, что это правда. К счастью, моя персона его больше не интересует. – Хочешь, я Лене позвоню? Или Свете. Они быстро приведут тебя в порядок.

Словно и вправду собрался звонить, он достает из кармана телефон, но Марк обрубает еще жестче:

– Мне напомнить, где дверь? Или тебя надо проводить?

Он не встает. Вообще не шевелится. Нет никаких игр мышцами или закатывания рукавов. Обычный Шаталов. Хмурый. Немногословный. Как океан, который даже без шторма может смыть одной волной.

– То есть ты это всерьез...

От вида круглых глаз блондина я готова хлопать в ладоши. Наш последний секс плавно съезжает с первого места пьедестала. А эти новые ощущения взлетают на самый пик.

– Да.

В голосе Марка нет ни радости, ни восторга, но мне так хорошо, что больше не мучаю себя никакими вопросами.

– Вы не немножко, а на всю голову! – Махнув на нас рукой, Хаванский прямой наводкой направляется к выходу. Притормаживает лишь у порога.

Пока наш гость готовится к прощальной речи, мы с Марком его опережаем. Хором.

– Дверь за собой закрой!

Любимая фраза Шаталова. А теперь и моя.

Никогда бы не подумала, что вот так посылать кого-то настолько приятно. На радостях тут же начинаю придумывать следующее предложение, короткое и емкое – в стиле моего мужчины.

Но блондин больше не испытывает судьбу.

– Да пошли вы... – ворчит он себе под нос, и уже через секунду раздается хлопок двери.

Глава 22. Откровение о...

О заботе лучше видно по поступкам.

После хлопка тоже срываюсь. Барный стул опасно кренится, когда я налетаю на Марка. Лишь благодаря звериной реакции Шаталова мы не падаем на пол.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо... – шепчу, целуя его везде, куда могу дотянуться. В лоб, в нос, в ухо, в ключицу.

На радостях хочется покусать. Оставить отпечаток зубов или засос.

Крыша на реактивной тяге летит вниз. Однако впервые Марк не отвечает и не пытается добраться до моего тела. Он как памятник – твердый и неподвижный.

– Прости. – Понимание остужает. Руки стекают с мужских плеч и прячутся в длинных рукавах халата. – Испугалась, что ты согласишься отдать меня.

Между нами все открыто, потому и сейчас говорю как есть.

– А тебя можно отдать? – Марк смотрит сверху вниз, как на неразумного котенка.

– Но ведь у тебя так было... – Прикусываю язык.

До этого момента думала, что стала для Шаталова особенной. Неделимой и настолько ценной, что ради меня можно выгнать из дома давнего друга.

Теперь картина мира, нарисованная наспех от счастья, неожиданно тускнеет.

– Ты правильно сказала. Это было у меня. – Марк поправляет на мне халат. Потуже затягивает узел. – А не у тебя. Чувствуешь разницу?

– Я решила, что тебе... это нужно.

Ощущаю кожей, как на лбу проступает слово «ДУРА!». Заглавными. И с восклицательным знаком. Не впервые рядом с Шаталовым. Но сегодня особенно ярко.

– Нужен воздух. Еще вода и сон. А то, о чем мы говорим, потребность из другой категории.

– Ты говорил, что предпочитаешь именно так... парами. – Последнее слово дается с трудом.

Мы впервые обсуждаем сексуальные интересы Марка. До этого они были страшилкой, о которой я старалась не вспоминать.

Наверное, зря. Судя по тому, как потряхивает, за три недели страшилка набрала силы и обросла метастазами.

– Это не то развлечение, где достаточно желания одного. – Развернув к себе спиной, Марк легонько подталкивает меня вперед.

– То есть со мной ты не думаешь, как это было бы.

Шаталов ясно дал понять, что разговор закончен, но джинна уже выпустили из бутылки.

– Тебя не должно волновать, что я думаю.

Злюсь, похоже, не только я.

– Ты ведь хотел бы, чтобы он остался? Чтобы взял меня, как ту брюнетку... – Оглядываюсь в сторону нашего дивана.

За последние дни и ночи Марк трахал меня на нем столько раз, что, казалось, не осталось и следа от прежней брезгливости. А в эту минуту от одной близости к четырехметровому мутанту дико хочется помыться. Полностью и с мочалкой.

– Сохрани свое бурное воображение для постели. – Желваки на скулах Марка буквально выбивают у меня все предохранители.

– Значит, угадала?

– В кровать иди! – Он резко встает.

– Зачем тебе вообще это нужно? Одной женщины слишком мало? Ощущения не такие острые? – Я врастаю в пол и всем своим видом демонстрирую, что и на шаг не сдвинусь с места.

– Так важно сейчас об этом поговорить?

– Мне. Важно.

– Тараканы митинг в голове устроили? – Подойдя вплотную, Марк за подбородок поднимает мою голову вверх. И с шумом выдыхает.

– Зачем тебе это? – Рядом с ним невозможно злиться. Стукнуть бы его, но вместо этого с надеждой смотрю в глаза.

– Зачем это мне, не имеет значения. Если важно заполнить пустую графу, впиши себе тут... – Марк указательным пальцем легонько стучит по моему левому виску. – Пресы-

ценность. Гораздо важнее, зачем это тебе. И ответ мы оба знаем.

– Мне это не нужно.

– Вот именно, – кивает Шаталов.

– И ты бы не хотел, чтобы я согласилась?.. Хотя бы попробовать?

– Это не то, что можно попробовать. Здесь возможны только два варианта. Или оба хотят. И тогда полный порядок, никакой вины, ответственности и прочего. Или все остается как есть. Без экспериментов.

– А если она соглашается? – Не хочу об этом даже думать. Но разрешать своей страшилке расти и дальше я не могу.

– Именно так чаще всего и происходит. Женщины идут за своими мужьями или любовниками. Причины разные. Одни ради чувств. Другие из-за детей. Еще чаще – из-за устроенного быта.

– И долго у них... все продолжается?

– Такие пары обычно распадаются в течение года. А то и быстрее.

– Мужчина остается, – догадываюсь я. – А женщина... она не может?

– Реальность не такая простая и логичная. – Марк гладит меня по щекам подушечками пальцев. Словно пытается что-то стереть. – Особенно если в группу оба пришли с разными запросами.

– Женщины не уходят?

Не знаю почему, но перед глазами вдруг появляется красotka в костюме. Шикарная, стильная. И с грустным лицом. Та самая, после визита которой я сбежала от Марка присматривать за чужой собакой и рыбками.

– Когда пара распадается, мужчина почти всегда уходит из группы. Кто-то из-за чувства вины. Кто-то – потому что не хочет больше подобных опытов. У кого-то закрытый гештальт. А женщины... – Взгляд Марка становится тяжелым и темным. – Они ломаются и остаются.

От этого признания земля уходит из-под ног.

– Так ты не хотел из-за меня? Чтобы я... – Во рту пересыхает. – Сломалась?

– Я же говорил, что ты способная.

Марк касается указательным пальцем моих губ, будто запечатывая их.

– А ты?

Уже просто необходимо замолчать. Количество полученных ответов и без того бьет все рекорды. Одна только забота обо мне чего стоит! Но притормозить, как всегда, не успеваю:

– Тебе важно именно так... Делиться? Со мной будет этого... не хватать?

– Слишком много вопросов, девочка.

Сильные руки разворачивают меня на сто восемьдесят градусов и второй раз за вечер отправляют в спальню. Теперь – шлепком по пятой точке.

– Марк... – Я все еще надеюсь узнать правду. Даже обращаюсь.

Но Шаталов настроен слишком решительно.

– У тебя пять секунд. Или идешь в спальню. Или спишь сегодня в гостевой комнате. До утра. Одна.

Глава 23. Одно целое

Мужчина любит не словами.

Несмотря на кашу в голове, все же хватает ума сбежать в спальню. На это уходит не пять секунд, а гораздо больше. К счастью, Марк больше не злится. Только я снимаю халат и, обнаженная, устраиваюсь на кровати, он входит в комнату и сбрасывает в сторону одеяло.

Не знаю, кто из нас завелся сильнее, но то, что Шаталов делает после, заставляет схватиться за изголовье.

– Просто расслабься. – Он широко разводит мои ноги и кончиком языка скользит по чувствительной плоти. Без подготовки. Без поцелуев. Сразу.

Эту игру мы уже пробовали. И по очереди, и одновременно, когда я делала Марку минет. Только сейчас ощущения острее. Возможно, потому что он ласкает меня и ниже. Размазывая слюну, обводит языком розочку ануса. Приподняв ягодицы, обжигает дыханием все нервные окончания. Возможно, дело в контроле, который читается в каждом его жесте.

Марк редко сдерживается в сексе. Каким-то невероятным образом он всегда четко определяет мою границу боли и наслаждения. Не переходит ее. Трахает на самом краю. На максимуме моих возможностей.

В эти моменты он всегда сосредоточен и напряжен. Как сложная машина, которая просчитывает все свои движения.

Наш самый яркий секс всегда именно такой. И сейчас Марк все еще в брюках, но я уже чувствую то самое... его контроль и границу рядом.

– Хочу тебя. Очень. – Приподнимаюсь, чтобы дотянуться до пряжки ремня.

Однако Шаталов припечатывает твердой пятерней к матрасу:

– Я все сделаю сам.

Подсунув подушку под мой зад, он берет с прикроватной тумбочки упаковку презервативов. И, вынув один квадратик, кладет рядом с собой. Будто подает знак, что не собирается останавливаться лишь на оральных ласках.

Мелочь, но от этого намека внизу живота все сжимается. Чувствую себя как в первый раз с Марком. Нервы – в струны, а в голове безумие.

– Не мучай меня долго... пожалуйста, – хныкаю, когда горячие губы обхватывают клитор. А потом всхлипываю, когда сразу два пальца растягивают нежную плоть.

– Отпусти себя. – Марк толкается пальцами глубже. Разводит их внутри и поворачивает под совершенно новым углом.

Это непривычное ощущение. Оно еще приятнее, чем прежние опыты.

– Боже... – Вздрагиваю всем телом как от удара током.

– Давай, девочка... – Марк снова накрывает губами нежные складки.

От синхронных движений языка, пальцев и губ я окончательно теряюсь.

Стону его имя, бесстыдно насаживаясь на пальцы.

Шепчу «Еще», извиваясь от влажных, скользящих прикосновений.

Приподнявшись на локтях, впитываю взглядом сумасшедшую картину в развилке ног.

Горящий взгляд серых глаз. Дикий. Жадный.

Губы, которые целуют так интимно, что сердце в любой момент готово разорваться от кайфа.

Пальцы...

Они движутся как поршни. Быстро, безжалостно. Ритмично проталкиваются на всю глубину. Задеваю там какую-то особую чувствительную точку. И, не позволяя кончить, прерывают попытку.

– Пздц, какая ты отзывчивая, – хрипит Марк, размазывая блестящую влагу между моими ягодицами и легонько, одним пальцем проникая в анус.

В ответ так и хочется накричать на него. Потребовать, чтобы не останавливался больше. Но ничего не успеваю.

Только открываю рот, Марк снова нанизывает меня на свою руку. Только начинаю умолять «Больше» – задает такой темп, проникает всеми тремя пальцами так глубоко,

что выгибаюсь в дугу и кричу во все горло:

– Да! Марк! Да...

До хрипа и слез.

– Еще, девочка! – Вместо новой паузы он ускоряется.

Язык порхает над клитором. Губы облизывают, посасывают чувствительную кожу. Влажные пальцы таранят оба входа... Без остановки. Так быстро, будто Марк собирается отправить меня прямиком в рай.

Еще секунда-другая, и, наверное, кончу. Огненная спираль уже закручивается внизу живота. Но сегодня не хочется одной. После всех откровений мне важно и в этом быть вместе с Шаталовым.

– Лишь с тобой. – Обхватив голову Марка, тяну его на себя.

Мечтаю почувствовать сверху, но мой непостижимый мужчина до желваков стискивает зубы и расстегивает ширинку.

– Верь мне. – Эти два слова я слышу как через стену.

Надев презерватив, Марк приставляет головку члена к розетке ануса.

– Верь, – звучит еще раз. Громче.

И уже в следующий момент я жадно хватаю ртом воздух от непривычного проникновения.

Граница, которую мы не пересекали, на этот раз совсем близко. Она в тугом скольжении. В страхе, сковывающем все тело. В тянущей боли, настолько незнакомой, что впервые

хочется сказать «Нет».

– Все будет хорошо. Не сопротивляйся, – приказывает Марк тем же тоном, каким учил ласкать его ртом в наш самый первый раз.

– Я... я не уверена. – Чувствую себя так, будто часы отмотали время назад.

В то прошлое, где я почти готова была согласиться на близость с другим. В ту секунду слабости, когда всерьез поверила, что смогу...

– Это я. – Марк будто мысли угадывает. – Я не причиню тебе вреда.

Его плечи каменеют. Взгляд прошивает мою черепушку. Шаталов словно мозг вскрывает. Решительно, безжалостно. И раскладывает все извилины в том порядке, в каком ему нужно.

– Доверься. – Чертит пальцами линию от груди к животу и легко касается влажной зацелованной плоти.

Этот жест вместе с приказом отключает во мне что-то. Боль пока не утихла, но я принимаю член глубже и глубже. Страх все еще мешает расслабиться, но горячие пальцы в развилке ног гладят так правильно и нежно, что не могу сопротивляться.

– Марк... – Одновременно с его именем сама делаю первое движение навстречу.

– Охуенная девочка.

Не позволяя сделать самой себе больно, Шаталов притор-

маживает меня. И ласкает все быстрее и настойчивее. Платит удовольствием за каждый свой толчок.

– Это... – Перед глазами все кружится.

Еще минуту назад не хотела и думать о таком сексе, а сейчас уплываю от новой наполненности и сладкой боли. Слишком стремительно для прежней осторожной Лизы. И идеально – для какой-то незнакомой, безумно-отчаянной.

– Так, хорошая моя, так.

Марк считывает мои эмоции лучше меня самой. Замечает перемены и ускоряется. Сносит своей заботой и порочной лаской все запреты и страхи. Пропитывает насквозь желанием и свободой.

– Я тебя... – Признание в любви рвется с губ вместе со стонами и рыданием. Уже не могу себя сдерживать. Ни в чем.

Кажется, ни одна сила на земле не способна остановить. Хочу ему сказать. Плевать, что будет потом. Неважно, что не вовремя и что не услышу никакого ответа.

События сегодняшнего вечера, словно фрагменты мозаики, встраиваются в одну яркую картину. На ней лишь я и Марк.

Но оргазм взрывается такой яркой вспышкой, что теряюсь во внезапной глухоте и немоте. Задыхаюсь от нахлынувшей волны жара и наслаждения.

Превращаюсь во что-то незнакомое. Безвольное и слабое. Такое доступное и счастливое, что выплескиваюсь вся.

Пульсацией. Крупной дрожью, которую невозможно остановить. Смехом, разрывающим легкие. И водопадом слез.

Глава 24. Счастливая

Чем больше в мужчине тайн – тем сильнее притяжение.

После нового опыта я не могу избавиться от ощущения, что мы с Шаталовым стали ближе.

Может быть, просто очень хочется этого. Может, что-то другое. Но встреча с блондином теперь кажется далеким прошлым, а все мои страхи – женскими глупостями.

Без них словно крылья за спиной вырастают. Наверное, именно так чувствуют себя люди со старческой деменцией или слабоумием. Никаких тормозов. Никаких опасений. Только улыбка, которая не сходит с лица и во сне.

Необычное для меня состояние. Каждый раз, когда вижу Марка, мысленно признаюсь в любви. А в реальности целую, даже когда ему неудобно или он чем-то занят.

Последствия настигают быстро. Спустя неделю такого амурного безумия я забываю и о предстоящем суде, где должна дать показания, и о прошлом Шаталова.

Как последняя дура, начинаю строить планы и селю в спальне Марка свои тапочки и расческу. Не думаю ни о чем, кроме учебы и любимого мужчины. Но за пару дней до судебного заседания Марку звонит следователь.

Обычный звонок, отличающийся от сотни других только тем, что мы в машине возле университета, а я за день соску-

чилась так сильно, что не хочю ждать ни минуты.

– Да. Понял. Можешь отправить кого-нибудь с документами? – Шаталов тоже старается говорить быстро. Выстреливает слова как пули.

– Нет. Какое ждать? Мы договаривались, что я ознакомлюсь с ними заранее, – злится спустя пару секунд.

– У кого дома? Кому ты передал?.. Ясно. Вечером заеду сам. Заберу. – Так и не дождавшись ответа, он нажимает отбой и ставит трубку на подставку.

– Что-то важное?

Не хочется говорить ни о каких делах, это наше время. Но не дает покоя обещание заехать вечером.

– Кое-какие документы. Глебов не застал меня в офисе. Отдал партнеру, чтобы тот передал.

Марк никогда не рассказывал о своей работе. Благодаря интернету я знаю лишь о строительной компании его отца. Так что фраза об офисе уже прорыв.

– Они нужны так сильно, что вечером тебе придется поехать домой к этому твоему партнеру? – Взглядом указываю на телефон.

– Это на час. Не дольше.

– Целый час... – Мои руки замирают на резинке трусов. Желание играть вдруг резко улечивается. – А по дороге заехать не получится? Или нам совсем не по пути?

– По пути, – словно нехотя признается Шаталов.

– Тогда давай сейчас к нему. Заберешь бумаги, и не нужно

будет никуда кататься.

– Не самая хорошая идея. – Марк кладет руку на мое колено и медленно скользит вверх.

– Зато весь вечер я буду твоя. – Не хочу его останавливать. Знаю, что будет сладко. Только упрямство берет верх. – Сможешь научить меня чему-нибудь новому. – Накрываю его ладонь своей, притормаживая.

– Кто-то вчера рассказывал про зачет по анатомии. И что нужно готовиться.

Я тоже редко делюсь личным. Не хочу никакого прошлого или быта в наших отношениях, но Марк замечает каждую деталь и запоминает все, что говорю.

– Вот! – Широко улыбаюсь. – Будем изучать на практике! Детально и с усердием.

– Я с тобой докторов начну опасаться, – хмыкает Шаталов. Однако руку все же убирает и на повороте сворачивает влево, а не вправо.

– Тогда к уроку анатомии добавим сеанс психотерапии. – Я демонстративно облизываю губы и чувствую, как от всех этих обещаний сердце начинает колотиться быстрее.

– Напомни, ты мне досталась такой озабоченной? Или испортилась в процессе?

– До тебя я была приличной воспитанной девочкой. – Показываю этому умнику кончик языка.

– Девочкой, конечно. Как я мог забыть? – Теперь Шаталов уже не хмыкает, а смеется. Так непривычно и красиво, что я

залипаю, забыв о дороге и планах.

Слишком редкая картина. На лице Марка нет и намека на мимические морщинки от смеха. Ни в уголках губ, ни возле глаз. У меня в девятнадцать есть, а у него в его тридцать – нет. Будто и не смеялся до меня никогда.

Совершенный во всем, самый опытный из всех знакомых мне мужчин. А в этом... девственник.

– Знаешь, иногда я думаю, что все же досталась тебе невинной. – Не удержавшись, касаюсь пальцем колючей щеки. И пока не лягнула что-то еще, закрываю рот и откидываюсь на спинку сиденья.

* * *

Несмотря на час пик, дорога до дома партнера пролетает быстро. Мы умудряемся не встрять ни в одну пробку. Когда Шаталов паркует машину возле высокого особняка, еще большего, чем его собственный, я издаю восхищенное «Вау!».

– Побудешь здесь?

Марк мог и не спрашивать. С некоторых пор я не горю желанием встречаться с его знакомыми. Но он все же задает этот вопрос. А еще внимательно смотрит в глаза. Словно хочет чего-то большего, чем просто «да». Какую-то гарантию.

– С места не сдвинусь!

– Точно?

– Даже если на твою машину будет лететь метеорит и тарелка с пришельцами.

– Если будет метеорит, то можешь отогнать в сторону. – Шаталов больше не смеется и даже не улыбается. – Я постараюсь быстро. – Он толкает дверь.

Как только остаюсь одна, накатывает странная тревога. Для нее вроде бы нет причин. Зачет по анатомии я сдам, с подготовкой или без. До суда еще куча времени и консультация со следователем, который обещал рассказать, как все будет. У мамы тоже все хорошо. А в нашем с Марком доме – лучше, чем можно было мечтать.

Нет ни одного повода для волнения. Лишь для радости! Но с каждой минутой ожидания тревога пускает корни все глубже и секунды текут все медленнее.

«У тебя паранойя», – успокаиваю я себя.

«Или ПМС!» – пытаюсь спастись шутками.

Однако, когда спустя десять минут на пороге дома вместо Марка появляется знакомый блондин, тревога превращается в панику.

Кресло бэхи внезапно становится слишком жестким. Из-за того, что дверь закрыта, на меня накатывает странный приступ, похожий на клаустрофобию. А стоит выйти из машины – уже не могу себя остановить.

Забыв обещание, иду той же дорожкой, какой шел Марк.

Не поздоровавшись с Хаванским, хотя он что-то говорит и даже пытается схватить за руку, открываю дверь.

Без приглашения вхожу в дом. И застываю у порога, не в силах сделать ни одного шага.

Глава 25. Один день

У любви много вкусов. И не все сладкие.

Месяц назад я вернулась за своим телефоном в чужой дом и попала в совершенно незнакомый мир. Тогда увиденное вызвало шок. Происходящее в гостиной казалось неправильным и диким. Сейчас...

Не могу найти слов, чтобы описать ощущения.

В гостиной этого дома не двое и не трое. Первую пару я замечаю на узкой кушетке в коридоре. Они так сильно увлечены друг другом, что даже не обращают внимания на постороннего.

Вторую... тройку нахожу дальше. Двух женщин и одного мужчину. В отличие от парочки в коридоре, они «справляются» в вертикальной плоскости. Женщины с размазанной помадой – на коленях. Мужчина стоя.

Для них мое появление становится неожиданностью. Мужчина резко тормозит своих партнерш. Кричит в сторону боковой двери то ли «Охрана!», то ли «Остановите!». Но, прикрыв глаза рукой, я уже бегу дальше.

Мимо следующей пары.

Мимо одинокой женщины с потекшей тушью и сигаретой в руках.

Мимо портретов на стенах, которые кажутся еще одними

участниками.

Лечу, не замечая поворотов и дверей. Не чувствуя пола. Пока не попадаю в просторное квадратное помещение с тяжелыми портьерами на окнах, с зажженным камином и тремя огромными диванами, на которых двигаются, стонут и изгибаются пары.

Это и близко не похоже на то, что я представляла, когда думала о прежней жизни Марка. Все откровеннее любых рассказов и фильмов для взрослых.

Даже воздух пропитан ароматом секса. Но не это заставляет пошатнуться и до боли закусить губу.

Самым ярким впечатлением становится не женщина, удовлетворяющая сразу двух мужчин. И не пристальное внимание незнакомца, который трахает одну, а липким взглядом скользит по моей фигуре.

Сбивает с ног Марк. Он стоит позади одного из диванов. Смотрит на обнаженную красавицу перед собой и о чем-то с ней разговаривает.

Спокойно, расслабленно. Будто ничего не происходит. Словно стоны и движения вокруг – обычная реальность. Часть жизни, где он свой и может все. А костюм Евы на его собеседнице – банальный дресс-код.

– Извините... – Легкие сдавливают, и извинение звучит едва слышно. – Простите. – Прижав ладони к горящим щекам, я разворачиваюсь и под крик «Лиза!» спешу назад.

Быстрее, чем бежала сюда.

Несусь как от пожара.

Что-то опрокидываю. Что-то разбиваю.

Нарушаю интим теперь уже всех, даже самых увлеченных.

И останавливаюсь лишь у железной двери. Не сама.

– Я же сказал сидеть в машине! – рычит схвативший меня

Шаталов.

– Отпусти! – Изво всех сил дергаюсь в его руках.

Он не изменял мне. Не участвовал в этой безумной оргии, но все равно рядом с Марком становится так плохо, что невозможно терпеть.

– Сейчас выйдем, посажу тебя в машину. Тогда отпущу. – Не замечая попыток отбиться, он закидывает меня на плечо. И толкает дверь.

– Не нужно меня никуда нести. Можешь возвращаться туда, откуда пришел. – Тело колотит так, что зуб на зуб не попадает.

– Спасибо за предложение. Как-нибудь сам решу, куда мне возвращаться.

– Я не собиралась никуда заходить... Боже, если бы я только представляла...

На глаза наворачиваются слезы. Не могу больше ни драться, ни злиться. Физически плохо. Внутри будто костер горит и черти пляшут ритуальные танцы.

– Тебе нужно было всего лишь подождать несколько минут. В машине! Это так сложно? – Марк раздражается еще сильнее.

Теперь он напоминает отчима, который орал на меня за любую оплошность.

– А тебе сложно было сказать, что партнер на самом деле партнерша? И весь этот дом... Это вообще не дом.

Как только попа касается сиденья, я поджимаю под себя ноги и сворачиваюсь калачиком.

– Это тебя не касается, – жестко обрубает Марк. Ни намека на попытку извиниться или что-то объяснить.

– Конечно. – Хочется выть в голос. Но вместо плача я поспешно вытираю подступившие слезы и отворачиваюсь к окну. – Куда мне?.. – шепчу себе под нос.

Не настолько тихо, чтобы Шаталов не услышал, однако он не реагирует.

Не продолжая спор, Марк заводит машину, и мы срываемся с места с такой скоростью, будто хотим кого-то догнать.

* * *

Как ни стараюсь взять себя в руки, дома становится только хуже. Мы не обнимаемся. Не целуемся. Марк не пытается унести меня в спальню. А я не лезу к нему со своими ненужными поцелуями.

Со стороны мы, наверное, кажемся соседями, которые вынужденно терпят друг друга на одной территории.

Из общения – короткие вопросы с ответами «да» или «нет» и быстрый ужин. Как у миллионов семей. Без диа-

логов. В телефонах. Отличие лишь в том, что наш ужин готовил модный шеф-повар и стоимость этой еды равна недельной зарплате какого-нибудь работяги.

Как бы ни хотелось забыться, после ужина ничего не меняется. Марк активно делает вид, что всё в полном порядке, и погружается в свои бумаги. А я...

Впервые за почти месяц я иду спать в гостевую комнату. Одна. До утра. Как недавно пугал один безумно любимый мужчина. А когда после бессонной ночи утром выхожу в гостиную, встречаю Марка.

В той же рубашке, что и вечером. С той же папкой документов. И такого чужого, что дико хочется плюнуть на свою гордость, броситься к нему на колени и заставить вспомнить, как хорошо нам было вместе.

Глава 26. Развилка

Любовь не спрашивает.

Сегодняшний день бьет все рекорды по дебильному «В первый раз». Для начала я впервые опаздываю на занятие. Марк привозит вовремя. Не задерживает, даже не прощается. Но еще пятнадцать минут я жду в холле. Прячась за колонной, смотрю на парковку.

На черную бэу, которая почему-то так и стоит на ректорском месте. На красивого мужчину за рулем, который на удивление никуда не спешит.

Следующим «первым разом» становится зачет. Сокурсники пялятся на меня как на призрака, когда выхожу из кабинета с зачеткой в руках. Никто не верит, что лучшая ученица потока могла завалить зачет по любимому предмету. Да еще и у преподавателя, который ставил ее в пример всем и каждому.

После двух «первых» к очередному я должна бы уже заработать иммунитет. Публичная выволочка, пересдача – все неприятности уже случились. Но как у классика: «Когда я думал, что достиг дна, снизу постучали».¹

Тем самым стуком снизу оказывается машина следовате-

¹ Афоризм Станислава Ежи Леца.

ля. Глебов приезжает к окончанию пар и ждет рядом с ректорским местом, где всегда паркуется Марк.

Первое мое желание – изобразить, что не заметила, и через черный ход сбежать на остановку. Абсолютно ненормальная реакция, учитывая, что нам нужно встретиться и обговорить суд.

Но реализовать свой план не успеваю. Следователь уже увидел меня и идет навстречу.

– Привет, красавица, карету ждешь? Я вместо нее. – Он протягивает руку, словно мы давние приятели или коллеги.

– Здравствуйте. Если Марка нужно подождать, я подожду. – Пячусь назад.

– Шаталова не будет. Пошли в машину.

– Он не предупреждал, что сегодня меня повезете вы.

– Иногда обстоятельства возникают внезапно. – Распахнув дверь, Глебов кивает в сторону салона.

– И все равно... Я дождусь Марка. – Начинаю оглядываться по сторонам, продумывая, кого звать на помощь.

– Некого тебе ждать, – хмыкает следователь и распахивает другую дверь. Заднюю. С огромным чемоданом на сиденье. Пакетом и тапочками поверх всей этой картины.

От увиденного я впадаю в ступор. Все эти вещи мои. Еще утром они были в доме Шаталова. И никто ничего не собирал.

– Узнаешь добро? – Радужная улыбка тает на лице Глебова.

– Да...

– Тогда должна понять, что ни к какому Шаталову ты не поедешь. – Он захлопывает дверцу. Громко. Будто машина не его. И снова командует: – Всё, быстро внутрь. Нечего тут фейсами светить. Не то время.

Не знаю почему, но верю сразу. И в то, что не повезет. И в то, что придется ехать. Внутри все клокочет от напряжения. Каждый шаг дается с трудом. И все же я дохожу до машины, послушно опускаюсь на пассажирское сиденье.

– Молодец, – хвалит Глебов. – Теперь бардачок открой.

Он заводит машину, и мы трогаемся.

– Там тоже мои вещи? – вырывается с нервным смешком.

– Твои, – подтверждает следователь. – Документы на перевод в столичный мед и остальное.

– Перевод? – Я беру целую стопку всяких бумаг и от шока роняю их себе на колени.

– Все как в Питере. Второй курс. Такой же поток, – торопливо начинает перечислять Глебов. – Кстати! По поводу общежития можешь не беспокоиться. Снимешь что-нибудь приличное. Вот наличка. – Он достает из-за пазухи тугой конверт и передает мне. – Прямо сейчас заедем в банк. Положишь на счет.

– Что это? – Конверт жжет пальцы. – Зачем?

– Затем, что теперь ты Градская Елизавета Ивановна.

Так и не дождавшись, когда сама посмотрю документы, Глебов одной рукой вытаскивает из стопки бумаг свежень-

кий паспорт и сует его мне.

– Можешь забыть о прежних счетах, нужен новый. А заодно билет на поезд.

– Я... ничего не понимаю. – Теперь окончательно теряюсь. Пачка денег, новые фамилия и отчество. Место в вузе. Чемодан...

– Защита свидетелей. Нужно было сделать тебе все это с самого начала. Теперь как уж есть.

– А суд? – спохватываюсь я. – Он послезавтра. Я не могу никуда уехать.

– На суде обойдемся без тебя. Ты теперь не такой уж ценный свидетель.

– Вы целый месяц стерегли меня как зеницу ока. Сделали документы... защиту. А теперь даете кучу денег и уверяете, что не нужна?

Мне плохо, но мозг работает четко. Те неудачи, что были вчера и сегодня, словно подготовили к этому разговору.

– Я не обязан перед тобой отчитываться. Мое дело – отдать документы и убедиться, что уехала.

– Вы сговорились, что ли! – взрываюсь. – Оба! Никто мне ничем не обязан! Что это за бред вообще?!

– Тихо-тихо! Без истерики! – Глебов притормаживает у обочины.

– Я еще и не начинала! – Бросаю конверт с документами назад в бардачок и изо всех сил дергаю дверную ручку.

– Заблокировано! – На лице следователя мелькает доса-

да. – Черт, так надеялся разобраться спокойно... Ладно. Держи. – Он поднимает руку вверх и достает из-под козырька фотографию. – Только не реветь тут! – приказывает строго.

Я не то что зареветь не могу – даже вдохнуть не получается.

На фотографии Ира. В красивом платье, туфлях. Она лежит на траве. Неестественно белая и с бурой полосой на шее.

– Мне рассказывали, что Ира с новым другом... отдыхает. – Мозг отказывается верить в то, что видят глаза.

С Иррой не могло ничего случиться. Да, мы не списывались, не созванивались. В моей счастливой влюбленной жизни не было и секунды, чтобы вспомнить о подруге. Но с ней не могло ничего произойти! Совсем! Никак!

– Этой фотографии три дня. Вероятно, кто-то подчищает хвосты перед судом, – сухо сообщает Глебов.

– И ты... Марк... Вы знали все это время?! Знали и молчали?!

Я не в состоянии больше здесь находиться. Начинает душить этот салон. Душат слезы, которые все никак не могут пролиться. Загибаюсь от беспомощности и чего-то еще... более страшного, что пока не удастся понять.

– Уже не имеет значения. Сейчас твоя задача – открыть гребаный счет, положить деньги и свалить в Москву под новой фамилией в новый вуз. – Глебов не скрывает, что зол.

– Это какое-то безумие... – Трясу головой. – Я хочу его увидеть! Марка! – со всхлипом вырываю из себя слова.

– Нет!

– Я увижу его, хотите вы или нет! – Дергаю ручку все сильнее. Не думаю о том, что могу сломать. Вообще ни о чем не думаю.

Перед глазами фото мертвой Иры. В голове туман. И лишь желание увидеть Шаталова, высказать ему все, вырветься у него на груди, держит на плаву.

– Сказал, нет! – Следователь пытается переловить мои руки. Хватает за левое запястье.

Однако я оказываюсь быстрее и, опустив стекло, лезу через окно.

– Ты точно чокнутая!

Отстегнув ремень, Глебов вылетает из машины, оббегаёт ее по кругу и тормозит возле меня в тот момент, когда руками я уже касаюсь асфальта.

– Я сбегу, даже если насильно посадите в поезд, – шиплю головой вниз.

На то, как выгляжу, плевать. Теперь все без разницы.

– Он, конечно, говорил, что будет непросто, но я не представлял, что настолько.

Кряхтя, Глебов помогает мне встать на ноги и вновь открывает проклятую дверь.

– Сяду, только если пообещаете, что отвезете к Марку!

Никогда в жизни не чувствовала в себе столько сил, как сейчас. Никогда не готова была бежать на своих двоих через весь город ради мужчины.

– Нету его... дура упрямая, – сплевывает Глебов.

– Я. Не. Сяду, – цежу сквозь зубы, готовая в любой момент сорваться с места.

– Хрен с тобой. – Следователь возвращается за руль. – Садись, – кричит мне, одновременно поворачивая ключ в замке зажигания.

Глава 27. Замки и запоры

*Карлсон – единственный мужчина,
который обещал вернуться.*

Всю дорогу до дома Марка меня преследует острый приступ дежавю. Вчера Шаталов не хотел везти к партнеру. Пытался отговорить. Злился.

Сегодня его нет рядом. Со мной куча денег, документы и фото Иры, от которого внутри все дрожит, а глаза пылают как от аллергии.

Ничего общего. Но ощущение схожести не отпускает. Как питон, оно сжимает шею. Мешает дышать и думать.

Не знаю, на сколько меня хватит, успею ли добраться до Марка, прежде чем превращусь в слезливую размазню. Не знаю, доберусь ли до него вообще.

Последнюю мысль гоню из головы всеми правдами и неправдами. Пока Глебов крутит руль, заставляю себя вспомнить наше утро, дорогу до университета в молчании и взгляд Марка в зеркале заднего вида.

Не прощаются, когда смотрят так жадно!

Не бросают, когда даже через несколько метров тянет друг к другу, словно гигантским магнитом.

Шаталов не мог просто так отдать вещи и вычеркнуть меня из своей жизни.

Не мог забыть все наши поцелуи и ночи в обнимку, наш смех и общее на двоих безумие.

Не сейчас, когда нужен мне больше всех на свете!

Только не в этот день!

К моменту возвращения домой не замечаю, как начинаю плакать. Слезы катятся из глаз, но я требую у Глебова, чтобы разблокировал проклятый замок. И несусь к знакомой калитке.

Ничего перед собой не вижу. Ничего не чувствую. До самой двери.

– Марк уехал, – раздаётся за спиной, стоит мне опуститься на каменное крыльцо.

Несколько секунд не могу ничего понять. Пытаюсь успокоиться. Лишь потом поднимаю голову.

– Ты опоздала, малышка, – снисходительно произносит красивая стильная женщина.

Сегодня она не в брючном костюме и не обнаженная, но я узнаю ее сразу. «Партнер», который иногда наведывается в этот дом. С грустным лицом. А сейчас еще и с красными глазами.

– Где он? – Мне неважно, как она попала сюда и зачем. Марк нужнее, чем любые подозрения и страхи.

– Уехал. – Красавица раскрывает пачку сигарет и, достав одну, закуривает от массивной, совсем не женственной зажигалки. – Как всегда.

– А когда вернется?

Кое-как поднимаюсь. Земля плывет под ногами. Не обращаю внимания на слабость, стою.

– Это Шаталов. Он всегда уезжает без сроков. Живет, как хочет. Трахает, кого хочет и пока хочет. А потом... – Задрав голову вверх, незнакомка выпускает дым и криво улыбается. – Исчезает в поисках новых ощущений.

– Нет... – Я вжимаюсь лопатками в стену.

– Да, милочка. Или ты думала, что стала для него особенной? – Женщина начинает смеяться. Спустя пару секунд ее хохот смешивается с кашлем.

– Вы просто его не знаете! – Стыскиваю кулаки.

– Я?

Зеленые глаза окидывают меня с ног до головы, и на красивых губах расцветает презрительная улыбка.

– Все вы, кто был там вчера. – Злости так много, что я готова драться за своего мужчину.

– Откуда бы мне?..

Дамочка делает новую затяжку, а потом ее лицо внезапно становится серьезным.

– Марк тебе не говорил?.. – задумчиво произносит она и бросает недокурную сигарету на землю. – Да, конечно. Не говорил. Это же Шаталов. Годы идут, а он прежний. Не любит рассказывать о себе. Закрытый, как крепость.

– Что рассказывать? – Сердце ударяется о ребра так больно, что приходится обхватить себя руками.

– Думаешь, мы просто спали? – Незнакомка горько

усмехается. – Думаешь, только трахались? Зло затаптывает окурок. – Он был моим мужем. Моим долбаным мужем. Пять лет.

Будто она сказала, что они все еще женаты, я вспоминаю вчерашнюю сцену. Доверительный разговор посреди оргии. Воспроизвожу в памяти первую встречу здесь, в доме, когда я час просидела под дверью кабинета, умирая от ревности и пытаюсь узнать, о чем эта женщина говорит с Марком.

– Все еще веришь, что знаешь его лучше? – Она равнодушно вынимает из сумочки упаковку салфеток и подает ее мне. – Учись забывать. Вначале будет больно. Потом еще больнее. Но ты молодая. Может, и справишься.

Словно утратила ко мне интерес, красавица поворачивается спиной. Однако я уже ничего не замечаю и не слушаю.

Тошнота резко подступает к горлу, и меня выворачивает наизнанку. Все содержимое желудка выплескивается на дорожную плитку. И перед глазами мгновенно темнеет.